

Иштван Зимони

Венгры в Волжско - Камском бассейне?

Finno-Ugrica. 2000, №1.

«Прародина» венгров в бассейне рек Волги и Камы - как в среде общественного мнения, так и в профессионально-научных кругах - является общепринятым основополагающим тезисом венгерской древней истории. Наряду с названием «прародины» в бассейне рек Волги и Камы в специальной литературе употребляются также термины уральская «прародина», башкирская «прародина» и *Magna Hungaria*. Сначала необходимо было решить вопрос относительно различных терминов, раскрывая при этом круг значения и условия их возникновения. После этого мы обосновали употребление использованного нами термина, как это видно из заглавия нашей статьи.

Под словом «прародина», как правило, обычно понимают наиболее древнее известное место поселения какого-либо народа. Однако же, на основе дальнейших исследований этногенезис расчленяется на различные эпохи. В случае венгров необходимо разделять период формирования венгров, обретших родину (V - IX вв.) и предшествующий ему «превенгерский» период. После выяснения принципиальных рамок среди вопросов древней венгерской истории выделяются темы, связанные с территорией между Волгой и Камой. Среди них отмечаются первые концепции наиболее ранней венгерской «прародины», основывающиеся на результатах финно-угристики, истории венгерского языка и археологии. Данные концепции относятся к раннему периоду этногенезиса и поэтому, само собой разумеется, он и опирается на эти две области. Здесь, в первую очередь, следовало поставить акцент на то, насколько могут быть оценены с точки зрения этногенезиса методы, использованные в истории языкознания и археологии, иными словами, может ли означать реконструированный язык и археологическая культура в этносоциологическом отношении более или менее многочисленную народную формацию в эту эпоху? Другие относящиеся сюда темы связаны со вторым периодом этногенезиса, здесь мы уже располагаем и письменными источниками. Среди нижеуказанных четырех тем первые две, вопрос Юргии и путешествие Юлиана, а также проблема венгерских обломков, найденных им, - коренится в венгерских исторических традициях, в то время, как крут вопросов, касающихся башкиро-венгерских связей (башкиро-венгерская идентификация у ранних магометанских авторов,

ее интерпретации монгольского периода в латинской и персидской литературе; башкиро-венгерское согласование названий племен) и отношения волжских болгар и венгров покоятся на достижениях чисто научных исследований. В ходе обзора указанного круга тем, учитывая результаты исследований мы поставили целью – дать критическую оценку этим результатам, то есть, разграничить факты и предположения, произвести суждения относительно некоторых гипотез. Само собой понятно, невозможно было подробно заниматься в случае отдельных тем; дело, ведь, в том, что каждая тема потребовала бы самостоятельную монографическую разработку. Из всего этого следует, что проблема венгров в Волжско-Камском бассейне является теоретической конструкцией, состоящей из многочисленных элементов, а достоверность ее обеспечивается надежностью этих составляющих элементов. В центре данной работы стоит исследование именно надежности указанных элементов.

Прежде чем сделать предметом исследования наш конкретный сущностный круг тем, требуется объяснить сам термин «прародина» в Волжско-Камском бассейне. Мы сознательно избегали таких традиционных выражений, как уральская «прародина», башкирская «прародина», а также *Magna Hungaria*, поскольку к ним «прилагаются» различные теории и представления, и таким образом имманентно они несут в себе какое-либо оценочное суждение.

Выражение уральская «прародина» - в смысле первой самостоятельной области поселения венгров - впервые использует в 1943 г. ЛИГЕТИ (Ligeti). На этой территории венгры провели полтора тысячелетия (1000 г. до р.Хр. - 500 г. до р.Хр.). По его мнению, место жительства наших предков сначала находилось к западу от Южного Урала, а позднее - к востоку от него (1). Отсюда, якобы, двинулись наши предки к переднему краю Кавказа. С недавнего времени финно-угорские языковеды термин уральская «прародина» используют в совершенно ином смысле: дело в том, что общий предок финно-угорского и самоедского языков им был реконструирован как уральский язык-основа, а место жительства народов, говоривших на этих языках, называют уральской «прародиной» (2). Таким образом, в силу двусмысленности этого термина он может ввести в заблуждение; дело в том, что как в случае древне-венгерского языка, так и в случае уральского языка-основы речь идет о тогдашней территории поселения носителей единицы, заключенной в историко-языковом отношении. Эта территория в географическом плане совпадает, во всяком случае, они близки друг к другу, и обе они получили свое название от Уральских гор. Терминологический хаос усугубляется еще и тем, что венгерский

язык происходит от уральского языка-основы. Между прочим, значительно модифицировалась и концепция относительно уральской «прародины» венгров, использованная Лигети (Ligeti) в 1943 году, поскольку между территорией поселения в районе Урала и местом жительства окрестностей Кавказа «включили» новую «прародину» венгров, которую, как правило, называют “Magna Hungaria” или башкирской «прародиной» (3).

Название башкирская «прародина» следует обойти вниманием, так как заведомо предполагает факт башкиро-венгерской идентификации, но, по крайней мере, намекает на этот факт, хотя это - как мы это ниже увидим - очень спорный вопрос. Против этого названия говорит еще и то, что оно указывает на территории современного Башкортостана есть в географическом отношении - чрезвычайно узкая область.

И, наконец, выражение «Magna Hungaria» однозначно является термином ученого происхождения XIII в., который указывает на землю венгров, найденных на востоке. А отсюда только лишь один шаг к предположению, что эта территория была венгерской «прародиной» (4).

На основе всего этого более удачным кажется термин «Волжско-Камский бассейн», так как к этому названию не присовокупляется такая второстепенная конструкция мышления, которая уже в самом названии намекала бы на какую-либо концепцию. В то же время в географическом смысле с точки зрения венгерской древней истории под названием Волжско-Камский бассейн мы понимаем более широкую территорию, которая с запада ограничена средним течением Волги, а к востоку простирается до Западной Сибири. По растительному покрову область относится к зоне лесов и лесостепей. (5)

В работах, занимающихся вопросами древней венгерской истории, различны аспекты периодизации, однако, она, в основном, строится на результаты истории языкознания. Эпоху уральского языка-основы датируют VI - IV тысячелетиями до р.Хр., затем же после исчезновения уральского языка-основы возник финно-угорский и самоедский язык-основа (IV-III тысячелетия). Из финно-угорского языкового единства во II-ом тысячелетии до р.Хр. отделился угорский язык-основа, и, наконец, из него в первой половине I-ого тысячелетия до р.Хр. происходит древневенгерский язык (6). Историю древневенгерского языка, основываясь на исследованиях заимствованных слов, Лигети (Ligeti) разделил на три периода: I. ранний период (500 г. до р.Хр. - ок. р.Хр.); 2. средний период (р.Хр. - 500 г. после р.Хр) и 3. поздний период (V - X вв) (7). Археологическая периодизация в отношении Восточной Европы также показывает тройное расчленение: неолит (IV-

ое тысячелетие до р.Хр); бронзовый век (II-ое тысячелетие до р.Хр); железный век (VIII в. до р.Хр). Временные рамки археологической культуры железного века на территории Волги и Камы также охватывают три эпохи: ананьинская культура (VIII в. до р.Хр. - III в. до р.Хр), пьяноборская, гляденовская культура (III в. до р.Хр - III в. после р.Хр.); бахмутиновская, ломоватовская, именьковская культура (III-VIII вв.) (8). Общественно-исторической периодизацией экспериментировал Барта (Bartha); в своих работах он предполагал родовой период (III-е тысячелетие до р.Хр), племенной период (500 г. до р.Хр) и период племенного союза (600-1000 гг. после р.Хр) (9).

Вслед за этнегенетической деятельностью Сю а (Szьcs) вопрос периодизации получил иное освещение. Дело в том, что в отношении венгров можно реконструировать «гентильное», или, иными словами, варварское этническое сознание, которое можно сопоставить параллельно с этническим сознанием германских народных формаций эпохи переселения народов. (принимая во внимание соответствующие ограничения). Характерные особенности этого варварского этнического сознания Йен Сю (Szьcs Jenő) подытожил следующим образом: «Свергнувшие Рим и следовавшие за ним германские народные формация (gentes) в действительности не были какими-то кровавыми общностями или органическими образованиями, а исконно - в ходе народопереселения (III - IV вв.) - были искусственно интегрированными политическими узлами из различных племенных и народных «частей». Однако, продолжительность нового господствующего образования («Heerkцnigtum»), как правило, приводила к интеграции различных этнических традиций и формированию веры в органическое возникновение народа, как это можно наблюдать в случае народов, сыгравших значительную историческую роль (восточные и западные готы, франкийцы (Фарнки), алеманы, бургунды, лангобарды и т.д.). В том случае, если политические и этнические рамки, более или менее покрывающие друг друга, охватывают специфическую префеодално-варварскую социальную структуру (в которой несмотря на сильную монархическую власть и социальную расчлененность вооруженный свободный элемент имел значительный вес), - этническое сознание, основывающееся на происхождении и традиционной общности народа (theudo-gens), в сущности, совпало с лояльностью к политическому господству и с общественным самосознанием принадлежности к правовой общности вольных (к народному праву) - мы имеем право говорить о «гентильной» структуре и самосознании. Хотя преобладающие «идеологические» элементы этого сокровища сознания первоначально не означали язык или культуру в целом, но

расчленились по более широким языковым и культурным взаимосвязям - унитарная традиция происхождения (которая изначально исторические элементы сознания расплавил в варварский кровный миф, заменяющий абстракцией) «общества» и вознесла эти элементы в сакральную сферу), общее право (которое раз и навсегда означало «этническую» связывающую силу), как правило, «обычай» (этнически нормативная традиция), верования (независимо от того, были ли их элементы исконно этническими спецификациями) - в рамках характерного «этно-центрического» подхода сплестились в органическое целое. Хотя касательно характера интенсивности функции этого содержания сознания на различных социальных уровнях даже внутри одной и той же группы народа можно учесть многочисленные варианты, они, несомненно, являются вариантами одной и той же единой системы модели, которая постольку может считаться «политической» формой сознания, поскольку представления, исходящие из этнического сознания, в большей или меньшей степени определяют лояльность, политическое и общественное самосознание людей, относящихся к данной группе. (10) .

«Гентилизм» венгров, обретших родину, отражается в легенде о происхождении « Hunor-Nagur », подтверждающей веру в общность происхождения, в выражении Genus Hungarorum, отмеченном около 1100 года, которое - в отличие от феодального подхода - определяется на основе языка, истоков и происхождения, и в идейном мире языческих восстаний XI века, где еще только вырисовывается живая традиция языческих верований и варварской правовой системы. Формирование венгерского варварского этнического сознания относится к VI - IX вв., «тюркские» политические рамки которого укрепились в период хазарской империи (VII - IX вв.) (11).

Начало формирования венгров, обретших родину, можно связать с фактом переселения тюркских народов в Европу. Первые народы, очевидно, говоривших на тюркских языках (оногуры, огуры, сарагуры), прибыли на передний край Кавказа около 463 года. Обычно, эту дату считают поворотным пунктом в формировании венгров, обретших родину. В то же время нельзя исключить того, что процесс формирования народа мог начаться вследствие переселения гуннов на запад в 370-ые годы. Но вполне может быть представлена и такая картина, в соответствии с которой решающий толчок дало переселение сабир ок. 503 года, авар и вслед за ними тюрков в 550-ые годы, иди же консолидация хазарской империи, последовавшая в первой половине VII века. Географические рамки формирования венгров, обретших родину, во всяком случае мы можем поместить на тогдашнюю

территорию хазарской империи, то есть это - зона восточноевропейской степи и лесостепи. Более точная локализация возможна лишь с IX века. В этот период письменные источники упоминают венгров на северном побережье Черного моря.

Последний период древней венгерской истории с этногенетической точки зрения является эпохой формирования венгерского народа, обретшего родину, и формирования его «гентильного» сознания. Период, предшествующий данному, ЛИГЕТИ (Ligeti) характеризовал так: «древнюю венгерскую историю можно исследовать лишь в обратном направлении после р.Хр. до V века. Свыше этого мы не можем ни шагу ступить, перед нашими глазами исчезнут все следы, ориентирующие нас. Для наших дальнейших исследований мы должны искать другого «проводника», и это - наш язык. Мы вовсе не намерены ошибочно полагать, считая, что языковое происхождение непременно должно быть тождественно этническому происхождению» (12) СЮ о рассматриваемом периоде пишет следующее: «Но вопреки этому, на вопрос: какая группа скрывается за историко-лингвистической категорией «раннее венгерство», в этно-социологическом смысле, - ничего определенного, обнадеживающего сказать нельзя» (13).

Если формирование этнического сознания германских народных формаций в период переселения народов - в качестве удобной аналогии - использовать для реконструкции «гентилизма» венгров, обретших родину, - то результаты этносоциологических исследований германских племен, предшествующих периоду переселения народов, теперь заслуживают большего внимания. Дело в том, что между двумя эпохами с этногенетической точки зрения существует основополагающая разница (14). Для более позднего периода характерно, что заключения, сделанные из исследования германских племен, которые провели Цезарь и Тацит, можно сопоставить с этносоциологическим материалом (эпохи средневековья или нового времени) народов, живущих в северных районах степей и лесостепей. Что касается нашей, более узкой темы, можно установить, что в периодизации венгерской древней истории наиболее резкую границу мы можем подвести к эпохе около 7 века. Поэтому следует обращать особое внимание на все факты и предположения, которые относятся к периоду до V века. С этносоциологической точки зрения здесь речь идет о двух различных периодах.

1. Наиболее ранние концепции венгерской «прародины»

Венгерский язык относится к финно-угорским языкам. С недавнего времени вместо термина «финно-угорские языки» - учитывая родство финно-угорских и самоедских языков - распространилось выражение «уральские языки» (15) Уральскими языками мы называем те языки, которые в процессе своего формирования через различные языки-основы в конечном счете, происходят из реконструированного уральского языка-основы. В случае венгерского языка, отправляясь в обратном направлении, мы можем говорить об угорском, финно-угорском и уральском языках -основе. В ходе историко-лингвистических исследований, сначала выяснили, какие степени родства существовали между отдельными уральскими языками. После этого была принята попытка установить временные рамки отдельных языков-основы. Среди историко-лингвистических исследований может дать хорошую информацию (16) исследование заимствованных слов, попавших в различные языки-основы, и древние языки, установление относительной хронологии заимствований, а также глоттохронология, которая на основе изменений совпадающего словарного запаса (лексики) родственных языков пытается дать ответ на вопрос: когда отделились друг от друга некоторые языковые группы и языки? (17)

Для определения географического расположения групп, говоривших на уральском языке-основе, можно использовать метод лингвистической палеонтологии.

Сущность этого метода **Жайду** (Hajdu) характеризовал так: «Если из имеющей общее происхождение лексикологии родственных языков мы выберем совпадающие названия животных и растений и реконструируем их исконные значения, то мы можем сформировать себе картину о том, какой животный и растительный мир окружал наших предков на месте их селений. После этого на карте, изображающей распространение животных и растений, нужно найти ту территорию, где находятся все животные и растения, которые были известны нашим предкам. Территорию, очерченную таким образом, мы можем считать наиболее древним местом жительства нашей языковой семьи» (18) **Жайду** реконструировал формы уральского языка-основы слов: ель, кедровая сосна, пихта, лиственница, вяз и, исследуя распространение пяти пород деревьев, пришел к заключению о том, что местом жительства общностей, говоривших на уральском языке, в VI - I-ом тысячелетиях до р.Хр. могли быть территории Среднего Урала и от него - к северу, вдоль нижнего и среднего течения реки Обь (19).

Благодаря историческому языкознанию - путем сопоставления лексикологии родственных языков - мы можем собрать данные относительно образа жизни групп, говоривших на языке-основе. На

основе этого уральский и финно-угорский периоды характеризуются охотничье-рыболовским образом жизни; для угорского периода, в свою очередь, можно найти лексику, указывающую на коневодческую культуру (20).

Достижения историко-лингвистических исследований мы можем подытожить следующим образом: в VI - IV-ом тысячелетиях до р.Хр. группы, говорившие на уральском языке-основе, очевидно, жили на территории Среднего Урала, у истоков Оби и Печоры. После отделения самоедских языков финно-угорский период, по всей вероятности, продолжается до конца III-его тысячелетия до р.Хр. - когда возникла угорская и финно-пермская языковая ветвь. Угорский период закончился где-то в первой половине I-ого тысячелетия до р.Хр., и после этого сформировался древневенгерский язык. На основе географического расположения современных народов, говорящих на уральских языках, и установления их степени родства, можно предположить, что среди общностей, говоривших на финно-угорском языке-основе, на более восточных территориях, очевидно, жили позже угоро-язычные группы, в то время, как носителя финно-пермского языка-основы медленно тянулись в западном направлении. Терминология содержания лошадей угорского периода, - которая сохранилась и в современных обско-угорских языках, - говорит о том, что стоянки угоро-язычных групп, вероятно, находились на Южном Урале и к востоку от него. Следовательно, после распада угоро-язычного единства на этой территории мы можем предполагать существование общностей, говоривших на древневенгерском языке.

Основы подхода к археологическим исследованиям в отношении древней венгерской истории в двух аспектах заложил *Гюла Лбсзлы* (Gyula Lbszly). Первый методологический принцип заключается в нахождении достоверно венгерских ископаемых периода обретения родины, когда это раскрытие по времени происходит в обратном направлении. Второй принцип строится на сопоставлении ранних мест стоянок, заключенных на основе сведений по истории языкознания и археологического материала, а также, на идентификации отдельных археологических культур и групп, говоривших на языке-основе. Таким образом, исследователь предпринял попытку продемонстрировать характерные особенности образа жизни и культуры с помощью археологического арсенала (21).

Археологические исследования установили, что между ископаемыми, найденными на побережье Черного моря, и материалом ископаемых обретших родину венгров, можно найти сравнительно малую параллель, хотя по сведениям письменных источников, в IX веке

венгры жили на данной территории. Ближе всего к наследию обретших родину венгров стоит кладбище возле деревни Большие Тиганы, находящейся у нижнего течения Камы к востоку от Карпатского бассейна. По мнению некоторых археологов, сходство достигает такой степени, что в этом случае можно говорить о родстве народов. Кладбище, по мнению археологов, проводивших раскопки, может быть датировано концом VIII - началом IX века, то есть исследователи предполагали, что в начале IX века венгры, обретшие родину, переселились отсюда, с территории среднего течения Волги на передний край Кавказа (22). Фодор (Fodor) эту гипотезу отверг, ссылаясь на археологические и исторические причины; он полагал, что «предки общности Больших Тиганов не пришли в Карпатский бассейн во время завоевания родины Арпадом,... в них, очевидно, мы видим одну из важных общностей, оставшихся на востоке групп народов» (23).

Венгерский характер кладбища поблизости деревни Большие Тиганы подтверждает тот факт, что Юлиан в начале XIII века нашел венгров, в основном, на этой территории. Если захороненные на кладбище возле этой деревни действительно венгры, то возникает вопрос: откуда и когда прибыли туда остатки венгров?

На этот вопрос, в общем смысле, родилось два ответа. Согласно первой точке зрения, которую вслед за Халиковой подтверждают археологическими аргументами, наиболее близкие параллели раскопок в Больших Тиганах наблюдаются в кушнаренковской культуре, распространенной на территории современной Башкирии. Это, следовательно, указывает на то, что наши предки жили на территории между Южным Уралом и дельтой реки Камы. Кушнаренковская культура сформировалась в V-VI веках, ее истоки находятся в Западной Сибири. В соответствии с этим венгры, возможно, в V-VI веках переселились с Урала в район к западу от него. Таким образом, кладбище, находящееся возле Больших Тиганов, является наследием осевших на том месте венгров, живших к западу от Урала, или же - остатки венгров, переселившихся с ближних мест жительства. (24)

Вторую точку зрения, подтвержденную лингвистическими аргументами, представлял Ализети. По его мнению, венгры Юлиана с Поволжья в XIII веке не могут быть диаспорой «прародины», а в ходе событий, последовавших за нападениями печенегов в IX веке, это обломки (остатки), отколовшиеся от венгров в северном направлении. Дело в том, что Юлиан мог понять язык венгерской общности Поволжья только таким образом, если она выделилась из массы

венгров не за многие столетия до обретения ими родины, а только лишь в IX веке.

Это предположение он подтверждает далее тем, что «башкирские венгерские названия племен – ГИЕРМАТ (Gyarmat) и ЙЕН (Jenő) свидетельствуют о довольно позднем своем происхождении. В этом отношении однозначно показание названия Jenő, которое указывает на новейший слой венгерских слов и имен чувашского типа, происходящих из диалекта-“с”. Но в этом же смысле свидетельствует и название племени Gyarmat, которое связывают узы семи племен, завоевавших родину, а не башкирская земля: название Kьrt-Gyarmat (КЮРТ-ГИЕРМАТ), а точнее, соединение племени Gyarmat с Kьrt-ом, явным образом, объясняется резким упадком численности племени Gyarmat, что могло произойти отделением башкирской части Gyarmaty. Двойное название племени отражает временное состояние, указывает на событие, сохранившее еще свежую память. (25).

Возвращаясь к археологическому методу поисков в обратном направлении, в случае венгров, обретших родину, имеет место парадоксальное положение: письменные источники упоминают венгров в IX веке на побережье Черного моря, но в то же время на основе археологических данных они там не могут быть идентифицированы. Археологи связали с венграми только кладбище в Больших Тиганах, которое является их ровесником.

Этот археологический метод способствовал большой достоверности при определении ранних мест жительства обских угров, пермских народов и волжских финно-угров, так как средневековые кладбища этих групп народов на основе их археологического материала можно свести в обратном направлении вплоть до самой ранней эпохи (26).

Второй метод, исходя из лингвистической палеонтологии и различных степеней языкового родства, согласует место жительства групп, говоривших на языке-основе с археологическими культурами. Территорию группы с уральским языком-основой в IV-ом тысячелетии до р.Хр. определяют на восточную сторону Уральских гор. Это в археологическом отношении может идентифицироваться с уральской неолитской культурой. В III-ем тысячелетии до р.Хр. многие финно-угорские языковые группы могли появиться к западу от Урала, в долине реки Камы (27). Археологическое наследие групп, находившихся к западу от Урала, прослеживается хорошо: распространяясь на запад, эти группы заняли район Верхнего Поволжья и Оки. Самую западную ветвь финно-угорских языковых групп (Верхнее Поволжье) отождествляют с группами, говорившими на

волжском финском языке-основе, а носителей археологических культур, сформировавшихся на территории между Волгой и Камой, отождествляют с группами, говоривших на пермском языке (28). Группы, употреблявшие угорский язык-основу во II - I-ом тысячелетиях до р.Хр., следует иметь в виду на территории к востоку от Урала, на северной части андроновской культуры бронзового века. (29)

Вследствие климатических изменений, происшедших в эпоху бронзового века

и формирования кочевого образа жизни, отношения между группами, говорившими на угорском языке, ослабились (1500 - 500 гг. до р.Хр.). В так называемый период археологической культуры Полужской дельты (500 г. до р.Хр. - 200 г. после р.Хр.) - ретроспективным методом удалось группы, двинувшиеся в северном направлении, идентифицировать с предками обских угров, в то время, как в угоро-язычных группах, оставшихся на юге, предполагают общности, говоривших на древневенгерском языке. Языковое отделение последних произошло в период между 1000 г. до р.Хр и 500 г. до р.Хр. (30) Многие археологи западно-сибирскую саргатскую культуру связывают с древними венграми (31). Связи западно-сибирских и южно-уральских археологических культур с археологическими культурами территории между Средним Поволжьем и Уралом указывают на то, что западно-сибирские группы, совершив переход через Уральские горы, очевидно, приняли участие в формировании новых культур (между III в. до р.Хр. и V в. после р.Хр.) (32). В этой точке соприкасаются ретроспективный метод и метод, выводимый из археологических культур групп, говоривших на языке-основе, реконструируемых эпохой неолита. Несмотря на это вероятность выводимых гипотез ограничена.

Чувствительные пункты исследования венгерского этногенезиса можно ощущать уже внутри круга компетенции отдельных специальных наук. Среди исследователей истории языка идет спор о том, является ли реконструированный язык-основа действительно языком, или это система символов, используемая в науке. Не высказывая свою точку зрения по этому вопросу, укажем лишь на то, что реконструированный язык-основа - это такая модель, которую хотя и следует приближать к настоящей языковой системе, но в методологическом отношении обе их нельзя идентифицировать (33).

Дальнейшие серьезные проблемы возникают вследствие смешения терминологии разных областей наук. Пожалуй, самая наглядная проблема, когда какое-нибудь лингвистическое понятие встает на место

этнической терминологии. По мнению **Мюллера** (Mühlmann), лингвисты являются причиной тому, что они говорят об индо германских «народах», а не о языках. Иными словами, то, что мы называем языковыми общностями, это ни в коем случае не общность, понимаемая в социологическом смысле, а это общность, говорящая на одном определенном языке, то есть совокупность статистического состояния. Это, разумеется, действительно не только для таких всеобъемлющих понятий, как например, индо-германцы, но для таких подкатегорий, как германцы, кельты, славяне и т.д. «Мы должны добиться того, чтобы исключить из древнеисторических исследований понятие «народа». Терминология важна, поскольку неверная терминология невольно ведет и к неверным мыслям. Смешение и размывание языковой и этнической классификации с научной точки зрения - точно такая же невероятность, как в свое время был обман с языковой и антропологической терминологиями» (34).

В отношении между археологией и этногенетическими исследованиями необходимо точно определить роль археологической культуры. По мнению **Даймаа** (Daimaa), народные формации, возникшие в поздний античный и ранне-феодальный периоды, в первую очередь, характеризовались «сознанием-мы» и верой в общее свое происхождение, но в то же время другие критерии (эндогамия, правовая общность, общежитие, религиозная или культовая общность, гомогенная материальная культура) являются довольно неопределенными. Один критерий сам по себе не может быть использован при отождествлении какой-либо народной формации. Таким образом, культуры, выдвинутые на основе археологических критериев, также не пригодны для этого. «Гентильное» сознание народной формации, которое выражается в вере общего происхождения, можно реконструировать лишь на основе письменных источников и показаний устных традиций. Если это уже удалось, тогда для характеристики данной народной формации можно использовать археологический материал. «Все нематериальные культурные приметы (язык, вера, обычаи, общее происхождение) для археолога останутся скрытыми. И всё же, если ту археологическую культуру основывающуюся на многочисленных критериях, в отношении образа жизни (поселение, одежда, товарное производство, торговля, погребальные обычаи) можно отличить от соседних культур, и письменные источники - хотя бы даже и косвенным образом - делают вероятным «гентильное» сознание, представляется возможным данную культуру интерпретировать как наследие одного определенного этнического единства (35).

Многочисленные черты археологического наследия венгров, обретших родину, резко выявляют неопределенность (несостоятельность) этнической идентификации, несмотря на то, что на помощь могут прийти письменные источники. В первой половине XX века ископаемым материалом обретших родину венгров считали лишь захоронения с лошадьми, с богатыми надгробными памятниками, а народ, захороненный на многочисленных бедных кладбищах, принимали за славян. Благодаря исследованиям С КЕ (Szöke) ныне уже считается общепринятой точка зрения, по которой богатые находки являются памятью высшего и среднего слоя венгерского населения, а в бедные могилы захоранивали венгров - представителей простонародья (36).

Было предпринято много попыток для отделения ископаемого материала, связанного с кабарам (37). По мнению МЕ ВРКАЗИ (Mesterhazy), кладбища простонародья социально расчленены и в этом случае можно выявить высший и средний слои, но в то же время на кладбищах, где захоронены представители указанных слоев, можно найти и бедные могилы. Различное географическое расположение обеих групп (простонародье - Южный Задунайский край; средний слой - район Верхней Тиссы) и их различие, проявляющееся в образе жизни, можно объяснить этническими различиями. Согласно этому, группа, жившая в районе Верхней Тиссы, вероятно, отождествляется с кабарам, а памятники Южного Задунайского края могут иметь отношение к венграм. В то же время высший и средний слои венгров - в силу тюркских контактов до периода обретения родины, едва отличались от группы, которую принимали за кабар. Основополагающую разницу между двумя группами отражает наследие простонародья: к группе, которую принимали за венгров, относилось многочисленное простонародье, занимавшееся, в первую очередь, земледелием (38).

Восточные параллели обеих групп, завоевавших родину, исследуют в двух направлениях. Хотя его оценка восточных параллелей простонародных кладбищ неточна, памятники высшего и среднего слоев близки археологическим ископаемым материалам VIII - X веков, найденных в Волжско-Камском бассейне. Из этого МЕ ВРКАЗИ делает заключение, что «башкирские (VIII - IX вв.) и венгерские кладбища до периода обретения родины связываются посредством групп, ассимилировавшихся с венграми и примкнувших к последним волжских, оногурских болгар и других тюркских народов» (39). Это противоречит выше цитированной точке зрения Ф Д РА (Fodor'a),

согласно которой ископаемые, найденные вдоль побережья Волги и Камы, - это наследие венгерских остатков, оставшихся на востоке.

Несмотря на все эти трудности, конечно, мы возьмем на себя риск сделать положительное предположение об истории венгров в период, предшествующий V веку после р.Хр. На основе данных истории языкознания и археологии отделение древневенгерского языка из обско-угорского можно датировать первой половиной I-ого тысячелетия до р.Хр. В эту эпоху местом жительства общностей, говоривших на древневенгерском языке, вероятно, была лесостепь. где-то между Обью и Средним Поволжьем. Более точное определение, по нашему мнению, в настоящее время несет в себе еще столько неопределенных факторов, что она кажется напрасной попыткой. В первом тысячелетии древней венгерской истории в том же этносоциологическом смысле, как мы употребляем выражение «венгры, обретшие родину», - мы еще не имеем права говорить о венгерском народе, ведь под ним мы понимаем «гентильную» народную формацию большой численности. На древневенгерских диалектах, очевидно, говорили многочисленные небольшие группы. Они приняли участие в процессе образования народных формаций, начавшемся в IV - VII веках после р.Хр. и в упрочившихся политических рамках, которые были построены по тюркскому кочевому образцу, очевидно, объединившись в языковом отношении, они остались доминантными. Таким образом, они могли ассимилировать иноязычные группы гетерогенных народных формаций.

2. Проблема ЮЭРН (Jugria)

Среди концепций о «прародине», восходящих к средневековым традициям (Scythia, Magna Hungaria, Jugria), сначала мы займемся проблемами, касающимися ЮЭРН (40). Выражение - самолатинизированная форма русского Югра (Jugra) (41), которая впервые встречается в средневековье в мусульманских и русских источниках.

Среди мусульманских авторов первым сделал упоминание БИРЧНИ ок. 1030 г. в форме ЮРА (Jura) (42). Довольно длинное описание о народе ЮРА (Jura) можно прочитать в работе Марвази, законченной в 1120 году. Краткое ее содержание передал Якуби (43).

Среди произведений Якуби Хамид ал Гарнати «Tuhfat al-Albajb» (Подарок сердец) - при описании северных народов не упоминает этнонима, интересующего нас.

Однако в более ранней своей работе ГАРНАТИ в “*Mu`rib an bad adzsal ib al-magrib*” (Яркий отчет о нескольких чудесах стран Запада) более детально занимается народами этой территории, и там у него встречается форма ЮРА (Jura) (44). У УМАРИ (IX в.) можно отметить форму ЮГРА (Jugra) (45). Последняя форма точно соответствует данному Югра, встречающемуся в русских источниках; это указывает на то, что арабский торговец, названный у УМАРИ, приобрел информацию или непосредственно, или же русским посредством. Данные ЮРА у мусульманских авторов XI - XIII веков объясняются из исконной формы ЮГРА (Jugra). Это изменение, очевидно, произошло в языке источников информацией мусульманских авторов, в языке волжских болгар (46). Волжские болгары имели контакты с жителями ЮРА с целью торговли мехом.

В русских источниках первое достоверное сведение Повестей о Югра датируется 1096 годом. Слуга одного новгородского купца, отправляясь на восток от Печоры, попал в Югра, где железо обменял на мех (47). В XII - IX веках новгородцы имели постоянные контакты с Югра. К XV веку Москва взяла на себя роль Новгорода и постепенно завоевала эту территорию. В XVI веке название Югра постепенно вытеснилось из словоупотребления, и на его место встали этнонимы «вогул» и «остяк» (48).

Географическая детерминация усложняется тем, что в ходе истории ее территория изменялась, а информация источников об этом имеет пробелы. Согласно ранним данным, данная территория может быть локализована между Печорой и Уральскими горами: в XIII - XIV веках о ней имеются сведения от Урала на восток, и, наконец, источники XV - XVII веков определяют территорию нижнего течения Оби (49).

Название Югра, которое, вероятно, скрывает за собой предков вогул и остяков, чрезвычайно близко древнерусскому названию венгров угры. Современное русское слово «венгр» является польским заимствованием XVII века (50). В русских источниках очень часто наблюдается замена двух форм этнонимов: в многочисленных ранних источниках в отношении уральской территории используют форму Угра, но вместе с тем встречается форма Югра, которая имеет отношение к Венгрии (51). Из этого ВАСАРИ (Vbsbry) сделал заключение, что «русская традиция, очевидно, сначала связывала жителей Югра и венгров, а именно, на основе этимологического соединения названная жителей исключительно двух территорий (югры - жители Югры, угры - жители Венгрии). Это соединение могло произойти только на русской почве, так как в русском языке этимологическая связь обоих названий

очевидна. Русские не знали основательно ни языка вогул-остяков, ни языка венгров, так что здесь не может идти и речи и сознательном языковом сходстве. Оба языка, между прочим, настолько далеки друг от друга, в XV веке, что учитывая лингвистические знания той эпохи, вопрос родства двух языков даже и не мог подняться» (52).

В XV веке вследствие возможности объединения церковью возрос интерес духовенства по отношению к Москве. Вести о военных походах против Югра стали известны и на Западе благодаря принятию титула великим князем Иваном III в 1488 году. В начале XVI века в работах *матти ша пие ва* и *кербер айна* находим описание ЮГРИ, и вместе с ним и концепцию, согласно которой ЮГРИ (Jugria) - это место жительства остатков венгров, оставшихся на востоке. Это по понятиям той эпохи означало, что здесь была прародина венгров. Сведения упомянутых двух авторов вскоре распространились и в Венгрии, и в отечественную литературу впиталось представление о прародине ЮГРИ (Jugria) (53).

Когда в XVIII веке сформировалась сопоставительная финно-угристика, которая установила близкое родство вогульского, остяцкого и венгерского языков, остается только сожалеть, что во втором элементе термина «финно-угорский» и дальше живет учение о ЮГРИ (Jugria) как концепции венгерской прародины. Дело в том, что язык тогдашних жителей Югра - вогул и остяков, а также язык венгров (древнерусское название которых - угры) под названием «угорский» оказались в одной языковой группе (54).

После этого остается выяснить только вопрос, позволяют ли возможные этимологические связи двух форм названий предположение древнеисторических взаимосвязей? Древнерусская форма “УЗР”, которая является названием венгров, в конечном счете, восходит, наверно, к этнониму “И ЗУР”. ШИРАЙ (Zsirai) предполагал, что и форма югры могла находиться во взаимосвязи с этим же этнонимом.

Поэтому он исходил из формы угры, которая в русском языке стала югры, где известно изменение у > ю. Это предположение подтверждалось тем, что названия угры и югры - как мы уже раньше упомянули, в ранних источниках (данных) часто взаимозаменялись. По мнению ШИРА (Zsirai), в последних упоминаниях в качестве названия предков вогул и остяков использовали формы с “й-“ в начале слова. В историческом фоне этимологической взаимосвязи ШИРАЙ предполагал два отличных друг от друга по времени и пространству заимствований названная. Относительно венгров заимствование этнонима опогуг могло произойти в Южной Руси в IX веке. А территория Урала могла бы стать древней провинцией оногур, название которых стало известным в

X веке среди русских, продвигавшихся в северо-восточном направлении (55). По мнению ВАСАРИ, эта точка зрения неприемлема, так как мусульманские источники однозначно отражают наличие “й-“ в начале слова. А эти данные более раннего происхождения, чем первые русские сообщения, но по крайней мере, из одного периода. Таким образом, в соответствии с сообщениями большинства русских данных местом жительства предков вогул и остяков, очевидно, была Югра. Это название происходит из названия ЮГУР (Jugur) и из “-а” в конце слова, где “-а” в русском языке - суффикс названия территории, добавляющийся к этнонимам (56). Помимо историко-лингвистических трудностей, исторический подход также поднимает множество нерешенных проблем. Дело в том, что древние поселения оногур до 463 года скорее всего мы можем предположить на южных территориях казахстанской степи, а не вблизи Уральских гор, не говоря о более чем полутысячной временной разнице, так как в русских источниках форма Югра появляется только в XI веке. На основе всего этого ВАСАРИ полагает, что название Югра можно связать с племенем ЮГУР (Jugur) кимекского племенного союза, датируемого X веком, и это название, в конечном счете, является одним из вариантов названия УЙГУР (ujgur) (57). К.ЦЕГЛЕДИ (Czeglődy) не считает этот тезис приемлемым, так как, по его мнению, название племени ЮГУР (Jugur), данное ВАСАРИ, является ошибочным исправлением, а филологически правильное прочтение “БГУ” (jabgu) (58). Как бы ни сложилась дискуссия по вопросу оногурской и уйгурской этимологии, вопрос ЮГРИ (Jugria) следует снять в ряду проблем, касающихся прародины венгров.

3. Путешествие Юлиана и найденные им остатки венгров

Юлиан, доминиканский монах, с тремя собратьями в 1235 году отправился на поиски венгров, оставшихся на востоке. Свой маршрут они выбрали на основе руководства доминиканского монаха Отто, ранее совершившего путешествие на восток, и по поручению герцога Белы, а позднее венгерского короля, отправились в путь (59.) Через Константинополь они отправились в Крым, а оттуда добрались до страны алан, находившейся к северу от Кавказа. После шестимесячного простоя Юлиан и Герхард продолжали путешествие только вдвоем.

Более одного месяца продолжался их путь на север через пустыню, когда, наконец, они прибыли в город под названием БУНДАС (Bundaz) БУРДАС (?) (Burdas ?). Оттуда они пошли в другой город, где Герхард

скончался. После этого Юлиан поехал к волжским болгарам и однажды в их городе встретился с одной венгерской женщиной, которая сообщила ему долгожданные сведения. Пешком прошагав два дня, он нашел восточных венгров на берегу реки ЕТИЛ (Etil)/В ПЭА. Язык их он понял и основательно расспрашивал их. После того, как Юлиану стало известно, что татары, находившиеся поблизости, готовятся к новому военному походу, целью которого было завоевание немецкой земли, он решил немедленно возвратиться домой.

По совету восточных венгров, более коротким путем, затрагивая землю мордвин, Руси и Польши, Юлиан вернулся в Венгрию. Отчет Юлиана подготовил в письменной виде его собрат по ордену и начальник Рихард. Отчет этот послали в Рим, а потом в 1236 году был направлен в Рим и Юлиан. В 1237 году он вновь отправился к восточным венграм через Русь, но дошел только до Суздаля; дело в том, что татары между тем уже разрушили поселение восточных венгров, часть которых, спасаясь бегством на запад, сообщила сведения Юлиану об опустошении страны и о том, что татары готовятся к нападению на русские княжества.

Кроме сообщений, касающихся венгров, Юлиан собирал сведения о происхождении татар, об их ранних завоеваниях, об их образе жизни. От суздальского князя ему стало известно, что татары готовятся покорить и завоевать Венгрию и территорию, находящуюся за Римом. Этот план подтвердило перехваченное князем татарское письмо, которое адресовалось венгерскому королю и в котором требовали от Белы IV-ого, чтобы он покорился татарскому князю. Это письмо получил Юлиан и отправился на родину, чтобы известить своего короля о надвигающейся опасности.

О втором своем путешествии Юлиан сам сделал отчет под заглавием «Письмо о жизни татар». Достоверность последнего отчета бесспорна, в противоположность отчету Рихарда, где можно отметить такие многочисленные противоречия и неточности, из-за которых неоднократно поставили под сомнение достоверность первого донесения. Возникла даже такая идея, что это, сфабрикованная фальсификация на основе письма Юлиана. Это, конечно, преувеличенное мнение, но оно обратило внимание на то, что из отчета Юлиана Рихарда, в первую очередь, интересовали сведения, имеющие отношение к религиозным вещам, к остальным данным он относился с пренебрежением (60).

В Венгрии термин *Magna Hungaria* впервые встречается в отчетах о путешествии Юлиана. Это название обозначало раннее место поселения восточных венгров, - в противоположность названию

Hungaria minor - страны венгров в Карпатском бассейне. По мнению Гомбоза (Gombocz'a), Юлиану, очевидно, была известна западная традиция, согласно которой существовало две Венгрии: это доказывает отчет о двух Венгерских землях Готфрида из Витербо (Gottfried -a из Viterbo) и Винсента из Буве (Vincent-a из Beauvais-a) (61).

У обоих авторов ранняя родина предполагается на территории Мэотиса, и она не может быть тождественной Magna Hungaria Юлиана т.е. района Среднего Поволжья. С аналогичным сдвигом мы встречаемся и в случае Magna Bulgaria, этот термин имел отношение к Кувратской империи VII века на территории Мэотиса, откуда дунайские болгары, странствуя на запад, основали новую империю. В противоположность этому, в донесениях Юлиана и других современных той эпохе латинских источников, - Magna Bulgaria обозначала страну волжских болгар, откуда дунайские болгары продвинулись на запад. Из отчета Рихарда выявляется, что хотя доминиканцы в современных венгерских хрониках и нашли указание на старую Венгрию, ее географического местоположения точно определить они не могли. Среди первых доминиканцев, искавших древнюю землю, Отто, где-то на переднем крае Кавказа, очевидно, нашел какие-то бледные следы, так как позже Юлиан со своими собратьями отправился точно туда же на основе сведений, полученных от Отто. Какой бы то ни была связь между венгерскими и западными источниками в отношении Magna Hungaria, термин Юлиана - научное название, у которого наблюдается определенный «сдвиг», характерный, между прочим, для той эпохи: территория венгров, живших на востоке, автоматически превратилась также в представление о венгерской прародине.

Среди путешественников францисканского ордена в монгольский период - Плато Карпини, Бенедикт Полоний и Рубрик, вслед за Юлианом знают и используют термин Magna Hungaria. У них наблюдается идентификация Magna Hungaria с Башкирией: "Bascard id est magna Hungaria" (62). После татарского нашествия название Башкирии (в форме Bascardia) появляется у мастера Акоша и Симона Кезай (Simon-a Kezai), как одна из трех провинций Скитии (63). Из всего этого Готфрид (Guicffly) сделал заключение о том, что предположение башкиро-венгерского тождества исходило от самого Юлиана. Раньше Гомбоз это предположение отверг, потому что ни отчет Рихарда, ни письмо Юлиана о Башкирии не упоминают об этом (65).

Географическое определение Magna Hungaria на основе отчета Рихарда неоднозначно. Из него выясняется, что Юлиан в одном большом городе волжских болгар нашел женщину-венгерку, которая рассказала, что отсюда в двух днях пути пешком, на берегу реки Етиль

есть поселение восточных венгров, и по соседству с ними живут татары. Крупный болгарский город в РПИ отождествил с Болгар (66). Упоминался еще и Ошел, болгарский город к западу от Волги, но Ф Д Р убедительно это опроверг, так как русские войска опустошили Ошел в 1220 году (67). Реку ЕТИИ раньше отождествляли с рекой Белая, но речь может идти о Волге или Каме (68). На основе факта соседства татар можно установить, что Magna Hungaria, очевидно, располагалась на юге или на юго-востоке от волжских болгар, - дело, ведь, в том, что по сведениям русских летописей, в 1229 году татары у реки Урал разбили болгарские передовые посты, а затем в 1232 году вторглись в восточную часть болгарской территории.

Письмо Юлиана относительно татарских завоеваний повествует о том, что татары после победы над Magna Hungaria, продвигаясь на запад, одержали победу над волжскими болгарскими, мордвинами. На основе этого сведения территория Magna Hungaria располагалась, очевидно, только на востоке от Волги. И хотя предполагали также, что поселения восточных венгров были на западе от Волги, ведь донесение Рихарда не говорит о том, что Юлиан переправился через Волгу, эта точка зрения едва ли имеет силу: в донесении Рихарда не упоминается переправа ни через какую реку (69).

С восточными венграми связывали и народ мешеры, упоминаемый в русских источниках; этот народ жил на правом берегу Волги, напротив Magna Hungaria, так как источники упоминают народ мешер на этой же самой территории. Однако, исследования ВАСАРИ подтвердили, что этноним мешер нельзя объяснить из формы "Magyar", таким образом, мешеры не могли быть венгерскими обломками, оставшимися на востоке (70).

Подводя итоги вышесказанному, Magna Hungaria нам нужно искать непременно к востоку от Волги.

Восточные венгры не пережили разорения после татарских нашествий как единый блок, но из Magna Hungaria Юлиана сохранилась память о разбредшихся группах. Сюда относятся этнонимные и топонимные данные Можарск, можары, встречающиеся в русских источниках (71). Память о восточных венграх также сохранила волжская болгарская надгробная надпись от 1311 года, найденная на чистопольском кладбище, на которой указан сын человека под именем МАД АР (72).

Таким образом, у нас нет причины поставить под сомнение существование остатков венгров, найденных в Поволжье XIII века. Однако же, то, что территория Magna Hungaria, якобы, является родиной венгров, это не более, чем в абсолютно средневековом

духе, теоретическая конструкция. Древнеисторическое касательство путешествий Юлиана может ограничиться констатацией того, откуда и когда попали туда остатки венгров?

Отождествление Magna Hungaria и Башкирии у западноевропейских путешественников XIII века и в венгерской хроникальной литературе (мастер Акош и Шимн и Кезай), очевидно, исходит из того, что поселения восточных венгров, Magna Hungaria и стоянки башкир в XIII веке были поблизости друг к другу. Вопрос, является ли башкиро-венгерское отождествление научной теорией, подобной Magna Hungaria, или же, возможно, оно восходит к литературным традициям, является предметом следующего раздела.

4. Башкиро-венгерские связи

а) Башкиро-венгерское отождествление у ранних мусульманских авторов. Среди мнений относительно башкиро-венгерских отношений достаточно отметить две крайние точки зрения. Первая такая крайность – отождествление башкиро-венгерских связей, а вторая – жесткое отделение обоих народов друг от друга.

Этноним «башкир» появляется в начале IX века. В киргизской легенде о происхождении, сохраненной у Гардизи, встречается человек по имени **башд ирт** (Basjirt), который принадлежал к знатному слою хазар, и место жительства его было среди хазар и кимек (73). Здесь мы встречаемся с хорошо известным явлением, когда этноним употребляется в качестве имени личного **цезнеди** установил, что источник Гардизи был Ибн Мукаффа, творивший в конце VIII в. (74)

Переводчик Саллам, около середины IX века путешествовал к стене, принадлежавшей Александру Македонскому. Описание этого путешествия досталось нам в двух вариантах. В позднем варианте, но сохранившем более богатую традицию, рассказывает ал-Идриси после того как Саллам совершил переход через Кавказ, за страной хазар он нашел народ под названием **башд ирт** (75).

Ибн Хордадбех, мусульманский ученый-географ IX века, в перечислении тюркских народов среди огур и печенегов упоминает народ **ġ.f.g.** Эту форму **иин рский** реконструировал в форме **таġgar** (76). Все перечисленные данные однозначно указывают на территорию к востоку от Волги.

Согласно Джайханской традиции первая граница народа **таġgar** была между печенегами и племенем **аскал** (Askal) волжских болгар.

Потом традиция повествует о поселении тајгаг к северу от побережья Черного моря (77). Цезледин в Джайханайской традиции текстов на основе углубленного анализа выражения «первая граница» полагал: данное выражение с лингвистической точки зрения можно истолковать лишь таким образом, что граница тајгаг была к востоку от Волги, а их поселения, начиная отсюда, распространились вплоть до северного побережья Черного моря. Этому противоречат географические представления Джайхани о Восточной Европе, по крайней мере, те, которые вырисовываются в его произведении: речь идет о том, что границу к востоку от Волги и территорию до побережья Черного моря разделяют друг от друга поселения хазар, бургас и волжских болгар (78). Для разрешения данного противоречия сформировалось две точки зрения.

Согласно первой точке зрения, речь может идти о двух территориях, и территория к востоку - есть ранняя родина венгров. Но в то же время языковое истолкование отрывка текста, хронология событий, показанная в тексте Джайхани, а также характер записей не подтверждают эту точку зрения. Среди венгерских исторических событий, имеющих место в данной традиции, самое раннее событие датируется ок. 830 г. Это, возможно, имело отношение к построению Шаркел.

Однако, как правило, источник отражает положение, сложившееся в 870-ых годах⁷⁹. При описании народов восточной Европы Джайхани, в первую очередь, интересовали торговые и политические аспекты, а исторические традиции он оставлял вне внимания. Поэтому мы считаем более обоснованным принять вторую точку зрения: схожесть арабской графической формы двух различных этнонимов - башкир и венгр - побудила Джайхани предположить, что эти народы тождественны друг другу. На наш взгляд, данные Джайхани (ок. 870 года) относились к народу тајгаг, жившему вблизи Черноморского побережья, и в то же время ему было известно вышецитированное свидетельство Ибн Хордадбех - j.f.g. Мы знаем, что Ибн Хордадбех был его одним из основных источников.

Позже от Ибн Фадлана, он узнал, что племя basğird жило между печенегами и волжскими болгарами (80). На основе вышесказанного ход мыслей Джайхани можно реконструировать следующим образом: тајгаг, живших ок. 870 г. у Черного моря, можно отождествить с (m).

ĵgar-ами Ибн Хордадбех. Их Ибн Фадлан сiao под названием basĵird. Следовательно, обе группы он представляет под названием таĵĵar.

Балхинская традиция повествует о двух территориях народа basĵirt. Первая находится около огуз за волжскими болгарами, а вторая - по соседству с печенегами и византийцами. Это первое «башкирское» свидетельство, касающееся венгров, живших в Карпатском бассейне (81). Балхи, следовательно, является первым теоретиком башкиро-венгерского родства, который знал Джайхани и, вероятно, в своей географической работе использовал его карты для подготовки объяснений к ним. По всей вероятности, он истолковывал место таĵĵar Джайхани таким образом, что у них было два места поселения, и в то же время он исправил этноним на basĵirt и в соответствии с историческими изменениями дал им новых соседей. По мнению АНЗЕТИ, традиция Джайхани отражает одну венгерскую форму. Самоназвание таĵĵar, попав в какой-то соседний язык чувашского типа, стало baĵĵir. (83) В конечном счете, можно ясно себе представить, что Балхи перепутал народ под тюркским названием basĵirt с тюркской формой венгерского этнонима, что в АНЗЕТИ: baĵĵir, но возможна также и форма baĵar - baĵir.

Масуди в описании венгерского военного набега в 934 году использовал форму baĵĵird в качестве одного венгерского этнонима. Абу Хамид ал-Гарнати в период между 1150-1153 годами находился в Венгрии, которую назвал Unkuriya, где живет народ под названием baĵĵird (85).

Йакут в своем географическом словаре под статьей baĵĵird сообщает, что у этого названия есть формы baĵĵird и baĵqird, и это - страна между Константинополем и Bulgar. Потом на основе Ибн Фадлана следует длинное описание. Вслед за этим Йакут сообщает, что в АНЗЕТИ встретился с baĵird-ами, от которых ему стало известно, что их название - ħunĵar. В заключение он ссылается на сочинение Истахри, являющегося представителем Балхийской традиции. Свидетельства Йакута ясно показывают возникновение башкиро-венгерского тождества: Йакут вслед за Истахри узнал о двух странах baĵird, которых, однако, представлял как одну - между Константинополем и Булгар (86). С этим этнонимом он связал отрывок из описания Ибн

Фадлана, имеющего отношение к bağird-ам. Свои устные сведения о венгерских мусульманах и положения в их стране он сообщил также в связи с данным этнонимом. Вследствие этого возникла такая конструкция, в которой сообщение Ибн Фадлана от 922 года о башкирах, находящихся к востоку от Волги, и отчет венгерских мусульман (начало XIII века) в своей основе, правда, верные, но предположение этнической идентификации, построенное на схожести двух этнонимов, по всей своей сути - мусульманская ученая теория эпохи средневековья.

Данные не оставляют сомнений в том, что в мусульманских источниках венгров, живших в Карпатском бассейне, называли башкирами.

Уже говорилось о ранних упоминаниях башкир, живших к востоку от Волги. У Ибн Фадлана мы находим известия о них (начало X века) (87). Следовательно, в IX веке к востоку от Волги жил тюркский народ, имевший название «башкир».

Теорию башкирской прародины, построенной на башкиро-венгерском отождествлении (начало X века), и основывающуюся на Джайханайской и Балхинской традициях, до появления новых данных эту гипотезу мы не вправе считать обоснованной. Более вероятным представляется предположение о смешении, которое произошло в силу схожести башкирского и венгерского этнонимом.

б) Башкиро-венгерское отождествление в источниках монгольского периода. В середине XIII века возникла монгольская хроника «Сокровенная история монгол», в которой башкирский этноним сохранился в форме baĵigit. “Т-“ в конце слова - признак множественного числа, а “Г” между “ĵ” и “g” в монгольском языке служило для избежания скопления согласных (89). В главах 262, 270 и 274 «Сокровенной истории монгол» среди покоренных народов упоминается народ baĵigit.

Согласно главе 262 Сюбетей в направлении на север покорил одиннадцать народов: kanglin, kibčaot, baĵigit, orosut, maĵarat, asut, sasut, serkesyt, keimir, bolar, kerel (90). Это свидетельство имеет отношение к событиям 1221-1223 гг. В 270-ой главе речь заходит о том, что после того, как Сюбетей задержали вышеупомянутые одиннадцать народов, на помощь ему послали Батыя, Гайука и Менгке (91).

Этот факт фигурирует среди событий 1228-1231 годов. В заключение в 274-ой главе можно прочитать, что Сюбетей и посланные

ему на помощь герцоги одержали победу над западными народами (92). Это последнее известие является небрежной и поверхностной копией свидетельства, читаемого в 270-ой главе (93). Прежде всего можно установить, что свидетельства 270-ой и 274-ой глав относятся, конечно, к великому западному военному походу под предводительством Батыя между 1236-1242 годами. Однако, в перечне названий в 262-ой главе встречаются и такие этнонимы, которые не могли бы иметь место во время военного набега Суютея в 1221-1223 годах, но более поздние нашествия Батыя настигли и эти народы. Поэтому **НИЗЕТИ** подчеркивал, что, правда, достоверный список названий находится в 262-ой главе, но в материале названий присутствуют и анахронические данные (94). В отношении ссылок на этноним *baġigit*, **НИЗЕТИ** теперь стал предполагать венгров (95). В своей ранней статье он еще писал, что этноним подходит тюркским башкирам (96). Эту последнюю точку зрения подтверждает глава 239 «Сокровенной истории монгол», где в связи с военным походом Джучи в 1207 году в перечислении лесных народов фигурировал народ под названием *baġigit*, который на основе исторических взаимосвязей данного текста, очевидно, жил на территории Западной Сибири (97).

Таким образом, по нашему мнению, этноним башкир, встречающийся в монгольском источнике, возможно, название тюркских башкир, и лишь под влиянием теории башкиро-венгерских отождествлений возникло предположение, что этноним может относиться к венграм, что предположение невозможно защитить потому, что венгры могут быть отождествлены с двумя другими этнонимами цитированного списка названий (*maġarat*, *maġyar*; *kerel*, *kiġbly*).

В историческом труде перса Джувеини, стоявшего на службе монгольской империи, который завершил этот труд в 1260 году, также можно встретить этноним *baġird*, причем вместе с этнонимом *kelar*. Последний этноним можно отождествить с венгерским словом *kiġbly* (К Р ПЕВСТВА). Пару этнонимов *kelġr*, *baġird* Джувеини употреблял в связи с военными набегами на Венгрию, таким образом, ясно, что под названием *baġird* он разумел венгров (98). Название *kelar*, очевидно, исходило из лиц, принимавших участие в военных походах против Венгрии, а форма *baġird* указывает на письменную традицию. Эта форма встречается у Ибн Фадлана в географическом словаре Йакута, который был общедоступен. На основе этого мы можем предположить,

что словоупотребление bağird связано с той ранней мусульманской традицией, которая называла западных венгров башкирами. Рашид ад-Дин, персидский историограф начала XIV века, заимствовал сведение Джувейни о монгольском военном набеге против Венгрии в 1241 - 1242 годах, но на месте пары этнонимов kelğr, bağird у него мы можем прочитать bulğr, kelğr, bağird. Это можно объяснить искажением письма. Рашид ад-Дин неоднократно упоминает этноним bağird. Среди этих упоминаний в первую группу относятся те, где в различных перечнях названий используется исконная форма пары этнонимов kelğr, bağird Джуванни. Ко второй группе можно причислить те случаи употребления названия, в которых на месте форм kelğr, bağird присутствуют формы bolğr, bağird. Как мы уже однажды указывали, это письменная ошибка. Эти данные однозначно отражают концепцию Джувейни: обе формы пары этнонимов означают западных венгров (99). В третью группу относятся оба свидетельства. Здесь название bağird проявляется не в паре, а «самостоятельно», правда, в обоих местах в перечне названий, а двумя названиями перед ним - форма bolğr. По мнению АИЗЕТИ оценка последних обоих данных с точки зрения башкиро-венгерских отношений весьма неопределенна (100).

О сведениях францисканских путешественников Плано Карпини, Бенедикта Полони и Рубрук в монгольский период в связи с Magna Hungaria уже шла речь (101).

Под влиянием этих трех авторов распространилось отождествление Башкирии (Bascard) и Magha Hungaria. В качестве источника отождествления могли послужить свидетельства доминиканцев, побывавших в Башкирии, поскольку ни один из трех названных авторов не был в Волжско-Камском бассейне. Исходя из этого, приемлема точка зрения АИЗЕТИ, согласно которой эти данные совершенно независимы от ранней башкиро-венгерской традиции мусульманских авторов (102).

Основанием отождествления у западных путешественников могло послужить то, что поселения восточных венгров были к востоку от селений волжских болгар, точно так же, как и поселение башкир. Из этого само собой разумелось, что два народа тождественны друг другу. В том, что восточные венгры после татарского нашествия не остались в Башкирии - как единый блок, нас может убедить письмо-отчет венгерского францисканца Йогана о татарской миссионерской поездке

в 1320 г.: проповедник семь лет провел в Башкирии, но о венграх в своем письме не упоминает (103).

в) Башкиро-венгерские соответствия названий племен. На параллели между названиями башкирских и венгерских племен в начале века обратил внимание **ПАУЛЕР** (Pauler); он отождествил два названия племен: Gyarmat - Yurmati; Jenő - Yeneu (104). **НЕМЕТ** в 1930 г. выдвинутые отождествления принял и объяснил их с историко-лингвистической точки зрения (105). **АНЗЕТИ** предполагаемую этимологию Gyarmat-а (тюркс. uor - устать и mati деепричастие) считает приемлемой с натяжкой (106). Эти затруднения, конечно, не исключают гипотезу отношения друг к другу двух названий племен, если принять во внимание иную этимологию (107). **НЕМЕТ** в 1966 г. предложил дальнейшие согласования (соответствия): Nyók - Negmen, Keszi - Kесе, Gyula - Yulaman, Megyer - Mier. Название Gyula не фигурирует в перечне венгерских названий племен, но, по мнению **НЕМЕТА**, существовало одно такое племя, которое, очевидно, сыграло особенную роль в системе венгерских племен, так как его можно истолковывать как народ одного венгерского князя (gyula) (108). К **НЭУР МАНД КИ** (Mбndoky Kongur) сначала опровергнул новые соответствия, а позднее соответствие Jenő - Yeneu, - казавшееся верным (109). **ВАСАРИ** указал на несостоятельность взаимозависимости Megyer - Mier (110). Итак, в отношении его этимологии, кроме согласования венгерского названия племени Gyarmat и башкирского Yurmati, имеющего множество затруднений, мы не располагаем научно-подтвержденными согласованиями названий племен между башкирскими и венгерскими названиями племен. Попытку нового подхода к системе венгерских названий племен, выдвигая несколько новых этимологий, предпринял **ВЕРТА** (Verta) (111).

Относительно лингвистического подхода башкиро-венгерского вопроса **ВАСАРИ** установил следующее: «1. Особенности системы башкирских фонем сформировались не под влиянием венгерского языка; 2. в башкирском языке нет венгерских заимствований; 3. среди географических названий Башкирии не встречаются названия венгерского происхождения» (112). Это означает, что тезис башкиро-венгерского родства языкознанием не подтверждается.

В заключение необходимо упомянуть о связи теорий прародины, башкиро-венгерского родства и венгров, найденных Юлианом на востоке. Согласно первой теории прародины Г МБ ЦА первое тюркское влияние на венгров в районе Поволжья было оказано около 600 г. В это время сюда переселились волжские болгары, а венгерские племена

ок. 800 г. потеснились на юг, но некоторые их обломки остались на той территории. Позднее исследователь изменил свою точку зрения: венгры с 463 года жили на переднем крае Кавказа и около 600 года в район Волжско-Камского бассейна вместе с волжскими болгарами пришли и некоторые венгерские группы. Юлиан в XIII веке нашел тех венгров, которые или остались, или же с волжскими болгарами прибыли туда. По мнению Г МБ Ца, венгры с Поволжья никакого отношения не имеют к башкиро-венгерскому родству, поскольку последнее основывается на ученой традиции (113).

НЕМЕТ вначале принял вторую теорию Г МБ Ца, с той разницей, что он не отрицал башкиро-венгерского родства. По его мнению, башкиры унаследовали свое название от венгров, переселившихся туда с юга, а венгры же медленно слились с тюркскоязычным большинством населения, пришедшего с востока (114).

НЕМЕТ под влиянием исследования башкирских названий племен в 1960 году изменил свою точку зрения и возвратился к прежнему тезису Г МБ Ца: венгры лишь ок. 750-800 гг. двинулись из Башкирии на юг. А оставшиеся венгерские обломки лишь после татарского нашествия слились с поселившимися здесь тюрками, ведь в XIII веке в Magna Hungaria еще прощупывается венгерская диаспора (115). АНЗЕТИ при оценке башкиро-венгерских связей предпринял попытку примирить два противоположных взгляда. Башкирский и венгерский этнонимы зависят друг от друга таким образом, что ранняя форма венгерского этнонима была форма *taĵġir*, в которой ок. 950 г. уже исчез звук “g”. Однако, у формы *taĵġir* был и тюркский вариант, чувашское (волжско-болгарское) *baĵġir*. После того, как в VI веке, одновременно с формированием Хазарской империи, этот народ под названием *taĵġir* — *baĵġir* с Волжско-Камского бассейна переселился на юг, на его место поселилась тюркская народность кипчаков. Она приняла название прежних жителей - *baĵġir*, из которого в этом языке сначала сформировалась форма *baġir*, а затем - *baġirt*. Это может стать отправной точкой этимологии этнонима *bakurt* “вождь волков”. От упомянутых ранних отношений АНЗЕТИ отграничил проблему восточных венгров Юлиана. Дело в том, что принятая им идентификация названий племен *Suarmat* - *Yurmati* и *Jenö* - *Ydndu* означает, что обломки этих двух племен оказались в Поволжье во второй половине IX века, вследствие нападений печенегов на венгров (116).

Новая этимология этнонимов **НИЗЕТИ** с лингвистической точки зрения во многих местах может быть «атакована». Самая большая трудность, пожалуй, заключается в том, что второй элемент исходной формы *taĵġir- ġir*, не объяснен: «элемент с неопределенной функцией» (117). Вероятность исторических гипотез, опирающихся на этимологию, отнюдь не велика. Таким образом, доказательство башкиро-венгерских связей, основывающихся на этом, не может быть убедительным. В конечном счете, из каждого элемента теории башкиро-венгерского родства выясняется, что оно не может восходить к древней традиции и башкиро-венгерским родством и венграми, найденными в районе Поволжья, нельзя показать никакой достоверной взаимосвязи.

5. Волжские болгары и венгры

Большинство тюркских заимствований в венгерском языке до периода обретения родины **Г МБ Ц** объяснил, из болгаро-тюркской языковой ветви (118). Этот термин возник таким образом, что Ашмарин язык волжских болгар считал предшественником чувашского языка. Свою точку зрения он обосновал глоссами, находящимися в мусульманских и русских источниках и болгарскими надгробными надписями, возникшими в XIII-XIV вв. после падения волжской болгарской империи. Он также пришел к заключению о том, что язык остальных народных формаций, имеющих название «болгарский», то есть язык болгар, живших в V-VII вв. к северу от побережья Черного моря, и язык дунайских болгар, обретших родину в конце VII в., могут быть причислены к группе по языку, совпадающей с языком волжских болгар. Таким образом, эти языки получили название «болгаро-тюркские» языки - в противоположность названиям других тюркских языков (119). **НИЗЕТИ** к народам, говорившим на болгаро-тюркском языке, отнес еще и те тюркские племенные союзы, в названии которых мог реконструироваться элемент “oguz”. Этот элемент он считал болгаро-тюркским соответствием общетюркского этнонима “oguz”. Таким образом, на основе их названия исследователь считал болгаро-тюркскими “огур”, оногур, утигур и кутригур (120).

Хазарский язык **Г МБ Ц**, на основе этнонима «хазар» и хазарского города *Sarigin* - определил как общетюркский язык. Это положение было принято **НИЗЕТИ** **М**, и он его подтвердил новыми аргументами (121). В соответствии с этим **Г МБ Ц** сконструировал первую конструкцию древней венгерской истории, согласно которой венгры, жившие в

Волжско-Камском бассейне, болгаро-тюркские заимствования переняли от волжских болгар между 600-800 гг. Первая дата - поселение волжских болгар в Поволжье, а вторая - переселение венгров на юг (122).

Позднее Г МБ Ц- под влиянием биогеографического метода Зи И (Zichy) – изменил свою точку зрения, и это место общения перенес на Кубань между 463-600 годами. В соответствии с этим, венгры вследствие переселений оногур, Утурꞑур, сарагуꞑ с Волжско-Камского бассейна переселились на передний край Кавказа, и общение их прекратилось в связи с переселением волжских болгар на север ок. 600 г. (123).

Немет сначала принял вторую точку зрения Г МБЦа, но позже возвратился к ранней теории Г МБ Ца.

Изучение языка хазар и исследование раннего периода истории волжских болгар принесли такие результаты, которые значительно модифицируют наши ранние знания. Собрание спорадических памятников на хазарском языке из различных источников является заслугой Г МДЕНА (124). Р НА-ТАШ из этнонима хазар показал, что его общетюркскую этимологию объясняли из несуществующего глагола “qaz” - «странствовать», а его исконная тюркская форма qasar объясняется из титута ceasar (125). АНЗЕТИ в исследовании хазарских глосс привлек титулы хазарского происхождения, сохраненные в венгерском языке и принял во внимание руническое засвидетельствование киевского хазарского письма. На основе всего этого АНЗЕТИ пришел к заключению о том, что хазарский язык также относится к болгаро-тюркской языковой ветви. И поэтому, конечно, потерял свой смысл термин «болгаро-тюркский», который имел значение именно по отношению к хазарскому. Поэтому АНЗЕТИ возобновил один старый термин и вновь ввел в употребление выражение «языки чувашского типа» (126). Благодаря этому ликвидировалось вынужденное обстоятельство - искать источник заимствований чувашского типа в венгерском языке (до обретения родины) вне хазарской империи.

Разумеется, это не означает, что место хазарского языка в системе тюркских языков определено исключая всякие сомнения. Эта неопределенность сохранится до тех пор, пока не появятся более пространные языковые памятники на хазарском языке. Поэтому АНЗЕТИ предусмотрительно оставил ту возможность, по которой венгры в VI веке в районе Поволжья могли общаться с волжскими болгарями. Однако, его значение намного меньше, чем более общение с хазарами (127).

Волжские болгаро-венгерские связи являются важными элементами теорий относительно древней истории венгров (128).

Почти все этнонимы, встречающиеся у волжских болгар, уже пытались отождествить с названиями, появляющимися у венгров (Bular, Bercel, Zuard, Székely).

С точки зрения изменений, происшедших в образе жизни, аналогичный с венграми путь прошли те волжские болгарские племена, которые после того, как отделились от прежней своей степной среды и оказались в лесных местностях - покончив с исконным кочевым образом жизни, - осели и превратились в земледельцев.

Относительно волжского болгарского генезиса необходимо ответить на два вопроса. Можно ли более точно определить с помощью находящихся в нашем распоряжении данных ту территорию, откуда племена, объединившие волжских болгар, переселились на север? Второй вопрос: когда прибыли эти группы в Волжско-Камский бассейн?

Отправной точкой ответа на вопрос: «откуда?» могут послужить пять названий волжских болгарских племен (булгар, сџвар, аскал, барсула, баранджар), сохранившихся в мусульманских источниках X века. Ибн Фадлан, у которого сохранилось четыре названия племени за исключением «барсула», сообщает, что король волжского болгарского племенного союза, вождь племени булгар, имел в подчинении остальных четырех королей. Из четырех королей двух можно отождествить с вождями племен сџвар и аскал. Можно предположить, что два других короля могли быть вождями двух других известных по имени племен (барсула и баранджар). Это имеет основополагающее значение с точки зрения волжско-болгарского этногенезиса пяти названий племен. Затем следует рассмотреть, где и когда встречались эти этнонимы в письменных источниках.

Относительно времени переселения болгар на север мнения разделяются. Причину этого, наверное, следует искать в том, что в письменных источниках об этом не сохранилось прямых сведений. Раньше, как правило, пытались определить эту дату, приняв во внимание аспекты иногда двух областей наук. Более надежный результат следует ожидать сопоставлением нескольких научных областей. Поэтому необходимо учитывать новые факты, раскрытые в области археологии, нумизматики, истории экономики и исторического языкознания и взгляды, опирающиеся на эти факты. Сопоставляя данные результаты, мы можем исследовать проблему: когда появились впервые волжские болгары в письменных источниках. На этот счет, ведь, имеются предположения, основанные на анализе лишь одного-двух источников. В заключение, исторический анализ картины,

выявленной специальными науками, может дать ответ на вопрос - какие исторические взаимосвязи можно установить между известными событиями истории степи и движением болгар на север?

Племена, игравшие важную роль в формировании волжских болгар, жили в других политических рамках, народы булгары, сабиры, аскалы, барсилы в V – VII веках часто встречаются в евразийских источниках, повествующих о степях. Аскалы фигурируют на территории западной тюркской империи, в казахских степях. Сабиры, барсилы и баланджары появляются в восточноевропейских степях на переднем крае Кавказа. А болгары жили на территориях к северу от Черного моря. В период укрепления хазарской империи, к концу VII века эти этнонимы исчезают из источников, и лишь только в X веке появляются вновь. Результаты различных специальных наук в связи с вопросом «когда?» мы можем подытожить следующим образом. Раннее волжско-болгарское археологическое наследие разделяют на две группы. Первую группу датируют VIII - IX вв., а вторую - концом IX-X вв. Раннее население оставило после себя, главным образом, кладбища на обоих берегах реки Волги. А позднее – строило поселения и городища. Их поселения достигли района Нижней Камы.

На территории Восточной Европы нашли значительное количество восточных дирхем, датируемых IX - X вв. В IX веке эти дирхемы с центральных областей Калифата через Кавказ прошли по побережью Каспийского моря до Волги, а затем вверх по Волге проникли в Европу. Этот торговый маршрут в конце IX века упраздняется, и вместо него дирхемы от Саманиды, правившего на территории нынешнего Узбекистана, через казахскую степь прибыли к месту слияния Камы в Волгу и оттуда направились дальше.

Среди тюркских заимствований волжских финно-угорских языков наиболее ранний слов представляют древневенгерские ранние болгаро-тюркские заимствования. Данные слова отражают состояние языка на одну ступень позднее, чем болгаро-тюркские заимствования венгерского языка. Это подтверждается двумя словами новоперсидского происхождения, которые были заимствованы, очевидно, только в X веке, после принятия исламской веры. Уже на основе всего этого время общения мы можем датировать X-ым веком.

Наиболее раннее упоминание волжских болгар в мусульманских источниках является спорным. Среди свидетельств, относящихся к первой половине IX века, в качестве первых упоминаний о волжских болгарях обычно принимаются во внимание король Бургар, фигурирующий в качестве адресата письма калифы Мамуна, упоминаемого Ибн ал-Надимом, а также мусульмане, жившие вблизи

СТЕНУ, воздвигнутой, якобы Александром Македонским - в путевых записках переводчика Саллама. Однако проделанные до сих пор попытки отождествления не могут считаться обоснованными.

Имеется два таких свидетельства периода рубежа IX - X веков, которые уже достоверно могут быть связаны с волжскими болгарами. Ибн Хаукаль сообщает о том, что один хазарский торговец уезжает во внутренний Булгар. Этот термин у него, очевидно, указывает на волжских болгар, хотя у ранних авторов это еще не так.

Масуди повествует о грабительской войне русов против южных провинций Каспийского моря ок. 913 г. Возвращаясь назад, русы плывут по Волге на север, на земле буртас и мусульманских болгар. Хотя слово «мусульман» - интерполяция, все же, из-за этого у нас нет причин ставить под сомнение достоверность всего описания.

Джайхани в своей географической работе рассматривает народы Восточной Европы, и среди них говорит и о волжских болгарах. Об этом свидетельстве уже с давних пор ведутся острые дискуссии. Есть исследователи, которые полагают, что данные Джайхани исходят от Ибн-Фадлана, другие исследователи это отрицают. Проведя методическое сопоставление, можно установить, что данные, относящиеся к волжским болгарам, совпадают у двух авторов почти полностью. Поэтому можно предположить, что Ибн-Фадлан встретился с Джайхани не только продвигаясь к волжским болгарам, о чем он сам свидетельствует, но и на обратном пути. Джайхани в это время, наверное, расспрашивал Ибн-Фадлана и ответы его записал. У Джайхани находятся также некоторые такие данные, которые не встречаются в произведении Ибн Фадлана. Они, вероятно, указывают на то, что у Джайхани, возможно, была и другая информация о волжских болгарах, но она не может восходить к 70-ым годам IX века. Таким образом, появление волжских болгар в источниках можно датировать двумя десятилетиями раньше, чем путешествие Ибн-Фадлана в 922 г.

По свидетельствам различных научных дисциплин относительно переселения волжских болгар может быть учтено два периода. Данные археологии, нумизматики указывают на вторую половину, конец VIII века. Каждая научная дисциплина, включая археологию и нумизматику, в конце IX века показывает важные изменения в Волжско-Камском бассейне. Возникла гипотеза, по которой обретение родины волжскими болгарами связано с событиями истории степей до VII века. Переселение гуннов и европейское распространение тюрков оставили следы в археологическом наследии Поволжья. Из этого сделали заключение, что некоторые тюркские племена уже в это время, якобы,

заселили эти районы. У нас нет причины ставить под сомнение справедливость этого предположения, однако, мы не можем взять на себя задачу - на уровне нынешних наших знаний - суждения о том, каковы отношения этих племен к волжским болгарам. Согласно второму распространенному предположению, волжские болгары во второй половине VII века обретают родину после того, как из империи Куврат вследствие нападений хазар они вытесняются на север. В противоположность этому, в истории, повествующей о пяти сыновьях Куврата, и в других параллельных источниках говорится о том, что вследствие нападений хазар империя Куврата распалась; из пяти сыновей самый старший остался жить на этом месте и оказался в подчинении хазар, в то время как остальные четыре брата двинулись на запад. Какой бы ни была историческая ценность этих источников, одно достоверно, что о волжских болгарах здесь речи нет. На основе всего этого до получения дальнейших доказательств переселение волжских болгар, датируемого IV-VII веками, нельзя считать обоснованным.

Среди двух возможных дат в VIII в. самым важным событием в истории восточной Европы была хазаро-арабская борьба. Арабы, начиная с VIII века, до его середины предприняли многократные попытки завоевания Восточной Европы. Арабы, нападавшие через Кавказ, принуждали многочисленные племена к вытеснению их с переднего края Кавказа на северные территории. Среди событий этих войн заслуживает внимания осада и захват Баланджара в 723 году. Этноним баланджар, встречающийся среди волжских болгар, очевидно, можно связать с названием этого города. Баланджар, вероятно, был столицей хазар, и после его истребления население города, очевидно, потянулось к Волге; у нижнего течения реки они заложили новую столицу. В 737 году самый сильный удар на хазар нанес Марван, так как со своими войсками он дошел до самой Волги, а затем, продвигаясь по северному берегу реки, победил народ сакалиба. В дискуссиях по отождествлению этого этнонима высказывалась и возможность связать его с волжскими болгарами. Во всяком случае, вероятно, что вследствие арабо-хазарских войн часть тюркских племен, живших на переднем крае Кавказа, потянулась к рекам Дон и Волга. К концу VIII века самые северные группы тюркских племен, живших на берегу Волги, в ходе своих кочевых странствий, очевидно, достигли места впадения Камы в Волгу.

Роль этих групп, спасавшихся бегством на северные территории, изменилась тогда, когда для арабо-хазарских связей, становится характерной мирная торговля. Это наступает с начала IX века. Хазары

вывозимые товары приобретают на севере, и таким образом становится понятным, что возрастает роль и политическое значение самых северных тюркских групп, находящихся в подчинении хазар.

Вторую важную дату в истории волжских болгар мы можем отнести к концу IX века. В этот период наиболее важное историческое событие – европейское завоевание родины печенегами. Из исследования печенежского народонаселения можно установить, что печенеги были вынуждены сдвинуться со своих поселений вдоль реки Урал под напором узов. На заднем фоне событий стояли завоевания саманидского правителя. Вследствие этого имевшее место равновесие карлуков - кимеков - узов со Внутренней Азией, очевидно, поколебалось. Побежденные печенеги сначала напали на хазар, живших на переднем крае Кавказа, но они отразили нападение. После этого печенеги к северу от хазарской территории переправились через Волгу и Дон и поселились на берегу Черного моря. Этому уже не могли воспрепятствовать даже и хазары. Кочевники, жившие у среднего течения Волги и Дона, из-за постоянного страха от печенегов спасались в район Волжско-Камского бассейна. По моему мнению, большинство тюркских племен, принимавших участие в формировании этногенезиса волжских болгар, именно в это время оказались в районе Волжско-Камского бассейна.

Буквально одновременно с этим произошли такие исторические изменения, которые способствовали очень благоприятному положению племен в Волжско-Камском бассейне. Саманиды после того как им удалось укрепить свое господство над Трансоксанией и Хорасаном с конца IX века, стали вывозить дирхемет в Восточную Европу. Сначала этот торговый путь, очевидно, затрагивал провинции вдоль Хорасана и побережья Каспийского моря до Волги, но в 914 г. Саманиды теряют провинции Каспийского побережья. В то же время узы, изгнав печенегов, стали единовластными хозяевами казахских степей. Это сделало возможным для караванов, отправляющихся из Трансоксании, через Хорезм без всякой опасности пройти через казахские степи под застой узов, чтобы потом подойти прямо к среднему течению Волги и обойти хазар. Этот маршрут использовала и та миссия, в которой принял участие Ибн-Фаблан. Эта ситуация открыла волжским болгарам новую возможность: дело в том, что хазары стали их соперниками, в результате чего произошло политическое обострение и принятие исламской веры.

В соответствии с этим причина переселения большинства тюркских племен, сформировавших волжскую болгарскую империю в конце IX в., состояла в том же самом нападении печенегов, которое

вынудило венгров назять Карпатский бассейн. Мы вправе говорить о волжском болгаро-венгерском общении лишь в том смысле, что как венгры до приобретения родины, так и племена, сформировавшие волжскую болгарскую империю - жили в рамках хазарской империи, и не исключено, что их места поселений были по соседству друг с другом. Можно предположить, что найденные Юлианом венгерские обломки, которые находились в подчинении у волжских болгар, в X.XIII веках, вместе с волжскими болгарам - вследствие нападений печенегов - отделились от общей, большей массы, которая обратилась в бегство на запад.

6. Заключение

Арена наиболее ранней истории групп, говоривших на древневенгерском языке, очевидно, был Волжско-Камский бассейн. Эти общности от 1-ого тысячелетия до р.Хр. до IV - VII вв. после р.Хр. - по свидетельству археологии и языкознания - вероятно, жили на территории между Обью и Средним Поволжьем. Вследствие степного "переселения народов" (ок. 453 г. оногуры, огуры, сарагуры; ок. 500 г. сабиры, ок. 550 г. авары, тюрки) начавшееся переселение гуннов, древневенгерско-язычные группы подключились в процессы, происходившие в степях. Организуясь в более стабильные политические рамки, у них начался процесс формирования гентильных народных формаций. Для претворения этого процесса хазарская империя обеспечила мир и стабильность. Со времен существования хазарской империи (начало VII в.) до европейского завоевания родины печенегами (895 г.) не было такого народного движения с востока, которое переступило бы Волгу. Это сделало возможным - используя рамки тюркской организации - возникновение сравнительно гомогенного венгеро-язычного этникума, которого субъективное сознание веры в исконную общность «посвятило в народ». На протяжении IX века эта народная формация в политическом отношении постепенно стала самостоятельной от хазарской империи. А в конце XI века этот народ занял Карпатский бассейн. Таким образом, предпосылки языка венгров, обретших родину, сформировались в Волжско-Камском бассейне, но о венгерской народной формации в это время говорить еще нельзя.

Можно ли себе представить, что в Волжско-Камском бассейне остались такие древневенгеро-язычные группы, которые, после того как большинство родственных им групп оставили свое место поселения, сохранили свой язык до XIII века на таком уровне, что

взаимопонимание было еще возможным? На этот вопрос с большой долей вероятности мы должны ответить отрицательно. Юлиан только в том случае мог говорить с венграми, если они самое раннее только в IX веке отделились от большинства массы венгров. Эту гипотезу подтверждает и археология, ведь памятники, наиболее близко стоящие к венгерским ископаемым, появляются у нижнего течения Камы в IX - X веках.

Поэтому мы считаем более обоснованной точку зрения, которую высказал **АНЗЕТИ**: восточные венгры Юлиана, на протяжении IX века вследствие печенежских набегов, были оттеснены в Волжско-Камский бассейн. Эту точку зрения подтверждает и то, что - как показал **СЮ**, в венгерском обломке, оставшемся на востоке, еще жило сознание, что венгры происходили от них (отчет Рихарда). Это означает, что формирование веры в общее происхождение обеих частей народа должно было предшествовать их отделению друг от друга. Этот процесс происходил в течение VI - IX веков. В заключение, ранняя история волжских болгар показывает, что на заднем плане отделения венгерских обломков и их переселения на север стояло завоевание родины печенегами в 895 г., которое стало поворотным пунктом как в жизни венгров, так и в жизни тюркских племен, принимавших участие в этногенезисе волжских болгар.

Подводя итоги, мы можем сказать, что в Волжско-Камском бассейне возник древневенгерский язык. Большинство народных групп, говоривших на этом языке, приняло участие в венгерском этногенезисе, в то же время некоторые общности остались на месте. Отыскать языковые следы этих общностей - задача, стоящая перед историей венгерского языкознания. Обломок гентильной народной формации, сложившийся в VI - IX веках, в конце IX века, оторвавшись от главной массы народной формации, отодвинулся на север, где почти через 300 лет его нашел Юлиан. Встает вопрос: возникла ли какая-либо связь между древневенгеро-язычными группами, оставшимися в Волжско-Камском бассейне, и венгерскими диаспорами, поселившимися в конце IX века? К сожалению, на этот вопрос мы ответить не можем.

В древнеисторических исследованиях, что касается проблемы прародины, мешало то, что реконструированная арена формирования древневенгерского языка и его тысячелетней истории была территория между Волгой и Обью, и места поселения венгерских диаспор, поселившихся в IX веке, более или менее совпадали и сглаживались, - несмотря на то, что территорию древневенгеро-язычных групп следует истолковывать в более широком диапазоне. Этому способствовала и традиция **ЮЭРИ** (Jugria), и теория, предполагавшая башкиро-венгерское

родство. Из них первая не имеет под собой никакой основы, а вторая - научно не доказанная.

Примечания:

(1) Лигети в то время предполагал, что в первую, большую часть указанного 1500-летнего периода, венгры жили на европейской стороне Уральских гор. Позднее венгры через Урал переправились в Западную Сибирь, где стали вести кочевой образ жизни. Однако в V-ом веке после р.Хр. под влиянием тюркского переселения народов венгры двинулись в южном направлении (Ligeti 1943, 6). Новую точку зрения Лигети см. в сн.3.

(2) Hajdu-Domokos 1978, 54-57.

(3) По мнению Фидра, самостоятельные венгерские группы сформировались между 1000 г. до р.Хр. и 500 г. до р.Хр. - где-то на восточной территории Южного Урала (Fodor 1975, 133, 134). С этой территории они переселились в Башкирию. По его мнению, это народопереселение можно связать с тремя передвижениями народа: 1. сарматское - в 400 - 300 гг. до р.Хр.; 2. гуннское - в 350 - 400 гг. после р.Хр.; 3. тюрко-аварское - ок. 550 г. (Fodor 1975, 164-165). Из Башкирии же венгерский народ переселился на юг после 750 г. (Fodor 1975, 170). Лигети также изменил раннюю свою точку зрения. По его мнению, венгры ок. 1000 лет провели у Уральского прохода, позднее их сдвинуло на запад огузское народное передвижение, и вследствие переселения сабир ок. 503 г. они прибыли на территорию Волго-Камского бассейна. Отсюда одновременно с укреплением хазарской империи в середине VII века венгры удалились в южном направлении (Ligeti 1966, 143-144, 156, 530; ср. Zimonyi 1988, 216-217).

(4) Gyurffy 1948, 56.

(5) История Венгрии I: I. Вр. 1984, 26-47.

(6) Hajdu-Domokos 1978, 41-91.

(7) Ligeti 1986, 520.

(8) L6szl 1971; Fodor 1973.

(9) Bartha в своей периодизации следовал Молнбру Е. (ср. Bartha 1977, 25; Bartha 1984, 395).

(10) Sz6cs 1984, 342-344.

(11) Весь круг проблем Сю исследует в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1970 г., которая в скором времени будет опубликована. В реконструировании формирования варварского этнического сознания венгров Сю принял во внимание раннюю дату венгерского фрагмента, найденного Юлианом и отделения савардских

венгров (столетиями предшествующими IX веку, а также до 750 г.); эту дату под сомнение поставили более поздние исследования (Szьcs 1984, 348; Czeglйdy MXT 121-122; Ligeti 1986, 378). Это, конечно, говорит о том, что кристаллизацию «гентильной» структуры, окончательную интеграцию традиции происхождения мы можем спроецировать до начала IX века, но к более ранним столетиям мы можем отнести их лишь предположительно.

(12) Ligeti 1943, 38.

(13) В статье СЮ а, опубликованной в данном сборнике.

(14) Этногенетическую разработку германской «древней истории», характеристику различных периодов и первое подытоживание, синтез «гентилизма» см. Wenskus 1961.

(15) Hajdu-Domokos 1978, 45-46.

(16) Ценную хронологическую помощь может оказать исследование языковых связей, главным образом, ирано-финно-угорских, ирано-угорских и ирано-древневенгерских, так как индоиранские историко-лингвистические исследования идут впереди уральских исследований (Harmatta 1977, 167-182; Ligeti 1986, 131-136, 162-174).

Кажется верным и то, что надежность хронологических границ, используемых в индо-иранской истории языка, нуждается в дальнейших исследованиях.

(17) Надежность этого метода недавно поставили под сомнение многие исследователи (ср. Руна-Тас 1978, 243-251).

(18) Hajdu-Domokos 1978, 46.

(19) Hajdu-Domokos 1978, 56.

(20) Hajdu-Domokos 1976, 71-87.

(21) Lászl 1971, 7-8; Fodor 1990, 277-278.

(22) Fodor 1977, 109-110, сноска 85.

(23) Fodor 1977, 113.

(24) Fodor 1977, 110; 1990, 280-281.

(25) Ligeti MNyTK 11, 65; Ligeti 1986, 378-379, 394.

(26) Fodor 1990, 279; Халиков 1975, 166-161. О роли нескольких рисунков в обско-угорском вопросе см. Fodor 1975, 40-41; Окладников. Мартынов, 1972.

(27) Fodor 1975, 41-42.

(28) Fodor 1975, 62-87.

(29) Fodor 1975, 87-96.

(30) Fodor 1975, 116-129.

(31) Fodor 1990, 281; SzXM 1:1, 82.

(32) Fodor 1975, 164-165; 1990, 281.

- (33) R na-Tas 1978, 298-302.
- (34) Mьhlmann 1985, 15-16.
- (35) Daim 1982, 70.
- (36) Szőke 1962.
- (37) Dienes 1972, 24-26.
- (38) Mesterhăzy 1980, 36-45.
- (39) Mesterhăzy 1980, 45.
- (40) О литературе по этому вопросу см. Gombocz 1923, 172-191; Zsirai 1930; Vărsăry 1974, 261-275; 1982, 247-257.
- (41) Vărsăry 1982, 247.
- (42) Marquart 1924, 303. Это данное использовали также Иакут и Казвини; там же, сноска 2.
- (43) Minorsky 1942, 34. Marquart и вслед за ним Zsirai могли знать лишь текст Ауфи.
- (44) Большаков-Монгайт 1985; проблемы в рукописи: 16-28; Юря: 47:51; исторический комментарий: 116-120. Сведение, взятое у Абу-Хамида - Казвини, к заглавному слову Юря (Marquart 1924, 299-300).
- (45) Lech 1968, 145.
- (46) Zsirai 1930, 42; Vărsăry 1982, 255. Оо этом изменении звуков см. Ligeti 1986, 64-71.
- (47) Zsirai 1930, 32-33.
- (48) Zsirai 1930, 34-44; Vărsăry 1982, 250-251.
- (49) Zsirai 1930, 46-70.
- (50) Vărsăry 1962, 251.
- (51) Zsirai 1930, 115-116, 120.
- (52) Vărsăry 1974, 264.
- (53) Vărsăry 1974, 264-267.
- (54) Vărsăry 1982, 253-254.
- (55) Zsirai 1930, 115-122.
- (56) И в то же время неясно, почему волжские болгары заимствовали этот этноним русским посредством, ведь волжские болгары были их подчиненными, они торговали посредством народа Wisu, говорившего на финно-угорском языке, как это утверждают мусульманские авторы.
- (57) Vărsăry 1982, 255-257.
- (58) В работе: Большаков-Монгайт 1985, 185-188.
- (59) Критическое издание отчетов о путешествии Юлиана см. Dцггіе 1956, венгерский перевод: Guцrffy 1986, 61-82; немецкий перевод: Guцkenjan, Sweeney 1985, 67-125; русский перевод: Аннинский 1940, 77-90.

(60) Литературный обзор по вопросу см. Gyurffy 1966, 32-34 и Ligeti 1986, 393-396.

(61) Gombocz 1923, 1-4; SzXM 1:2, 185-186.

(62) Ligeti 1986, 390-392.

(63) Ligeti 1986, 404.

(64) Gyurffy 1986, 35-36. Рубрук писал: «То, что я рассказывал о земле башкир, я узнал от доминиканских братьев, которые отправились туда до прихода татар» (Gyurffy 1986, 260). Трудно ответить на вопрос: к этим ли доминиканцам принадлежал Юлиан?

(65) Gombocz 1923, 30-31.

(66) Gyurffy 1986, 392-393.

(67) Fodor 1977a, 9-20.

(68) Ligeti 1986, 393, 478-480.

(69) Gyurffy 1986, 33.

(70) Väsáry 1975, 254-273; 1977, 287-290.

(71) Väsáry 1975, 237-254; 1977, 283-287.

(72) Хакимзянов 1986, 176; R na-Tas 1986, 78-81.

(73) Martinez 1982, 125.

(74) Czeglédy МЦТ, 105-112.

(75) Zimonyi 1990, 96.

(76) Minorsky 1937, 319, сноска 2.

(77) Zimonyi 1990, 148-149.

(78) Czeglédy МЦТ, 18-25.

(79) Czeglédy МЦТ, 118.

(80) Zimonyi 1990, 152.

(81) BGA I, 225; BGA 112 396; Czeglédy МЦТ, 16-17.

(82) Zimonyi 1990, 23-24.

(83) Ligeti 1986, 400.

(84) Golden 1975, 22-23, 34-35.

(85) Большаков-Монгайт 1985, 56.

(86) Yaqut I, 322-323.

(87) Togan 1939, 35-37.

(88) Ligeti 1986, 377.

(89) Ligeti 1986, 399.

(90) Ligeti, Mon, 235-236.

(91) Ligeti, Mon, 243.

(92) Ligeti, Mon. 247-248.

(93) Ligeti MNYTK II, 84.

(94) Ligeti MNYTK II, 84-85.

(95) Ligeti 1986, 399.

- (96) Ligeti MNYTK II, 85.
 (97) Ligeti, Mon. 205.
 (98) Ligeti MNYTK II, 82; 1986, 398.
 (99) Ligeti MNYTK II 82-83.
 (100) Ligeti MNYTK II, 84.
 (101) Ligeti 1986, 396-397.
 (102) Ligeti 1986, 396.
 (103) Bendefy 1937, 47-50.
 (104) Pauler 1900, 126.
 (105) Németh 1930, 308-309.
 (106) Ligeti , MNYTK II, 57-58. Németh в 1975 г. эту этимологию считает недействительной.
 (107) Berta 1989, 9-10.
 (108) Németh 1966, 35-50.
 (109) M ndoky Kongur 1976, 41-44; 1986, 70-74.
 (110) ср. сноску 70.
 (111) Berta 1989, 3-17.
 (112) Väsry 1985, 388.
 (113) Czeglődy МЦТ, 158-160.
 (114) Németh 1930, 315.
 (115) Németh 1966, 48
 (116) Ligeti 1986, 400.
 (117) Ligeti 1986, 111.
 (118) Gombocz 1912.
 (119) Ligeti 1986, 9-30.
 (120) Németh 1922, 148-155.
 (121) Czeglődy МЦТ, 157.
 (122) Gombocz 1912, 205.
 (123) Gombocz ,1960.
 (124) Golden 1980.
 (125) R на-Tas 1982; см. в сборнике статью.
 (126) Ligeti 198I, 5-18; 1986, 475-492.
 (127) Ligeti 1986, 402.
 (128) О происхождении волжских болгар см. Zimonyi 1990, где находятся литература по этому вопросу. В дальнейших частях главы я даю тезисное заключение о сборнике.

Литература.

Аннинский С.А. (1940). Исторический архив. III. АН СССР.
 Ашмарин Н.И. (1902). Болгары и чувашаи. Казань.

Bartha A. (1984). A magyar nép xstúrtínete: Magyarország története. I.köt. Fxszerk.

Székely Gy. Bp. [Древняя история венгерского народа. т.1. Гл.ред. Секей Д.]

Bartha A. (1977). Társadalom és gazdaság a magyar xstúrtínetben: Magyar xstúrtíneti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K., Ruyatás A. Bp., 23-44. [Общество и экономика в древневенгерской истории. Статьи по древней венгерской истории. Ред.Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]

Bendefy L. (1937). Fontes authentici itinera (1236-1238) fr. Juliani illustrantes. Bp.

Berta A. (1989). Új véleményű török eredetű törzsneveinkről: keletkutatás 1989 tavasz 3-17. [Новые взгляды относительно венгерских племенных названий тюркского происхождения.]

BGA Bibliotheca Geographorum Arabicorum. I-VIII. Ed. M.J. de Goeje. Lugduni-Batavorum 1870-1894.

Большаков О.Г., Монгайт А.Л. (1985). [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Москва, 1971.]

Czeglédy K. MXT. Magyar Xstúrtíneti tanulmányok. Bp., 1985. Magyar nyelvű cikkeinek gyűjteménye. [Статьи по древней венгерской истории. Сб. статей на венгерском языке.]

Daim F. (1982). Gedanken zum Ethnosbegriff: Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 112, 58-71.

Dienes I. (1972). A honfoglalás magyarok. Bp. [Венгры, обретшие родину.]

Dürrie H. (1956). Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Ural-Gebiet (1234-5) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren. Güttingen.

Fodor I. (1973). Vázlatok a finnugor xstúrtínet régészetiéről: Régészeti Füzetek. Ser. II. №15. Bp. [Очерки по археологии финно-угорской древней истории. Археологические тетради, серия II, № 15.]

Fodor I. (1975). Verecke híres útján. A magyar nép xstúrtínete és a honfoglalás. Bp. Angol fordítás: I. Fodor, In Search of a New Homeland. Bp. 1982; német ford.: Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Bp., 1982. [На знаменитом пути к Верецкому перевалу.]

Fodor I. (1977). Bolgár-török jövényszavaink és a régészeti Magyar Xstúrtíneti tanulmányok. Szerk. Bartha A., Czeglédy K. Ruyatás A. Bp., 79-114. [Болгаро-тюркские заимствования в венгерском языке и

археология. Статьи по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]

Fodor I. (1977a). Ou le dominicain Julien de Hongrie retrouva-il les Hongrois de l'Est?: *Studia Archeologica* VI. Вр.

Fodor I. (1982). On Magyar - Bulgar-Turkish Contacts: *Chuvash Studies*. Ed. A. Ryna-Tas. Вр., 45-81.

Fodor I. (1990). A rйgйszeti kutatбsok fйlszбzados tўrtйnetйrхl: *Magyar Tudomбny* 1990:3, 276-282. [О полувековой истории археологических исследований.]

Golden P.B. (1975). The people Nukarda: *АЕМАе* I., 21-35.

Golden P.B. (1980). *Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. I-II. Вр.

Gombocz Z. (1912). *Die bulgarisch-tўrkischen Lehwўrter in der ungarischen Sprasche*. Heilsingfors.

Gombocz Z. (1923). A magyar xshaza йs a nemzeti hagyomбny: *Nyelvtudomбnyi Kўzlemйnyek* 46, 1-33, 163,193. [Венгерская прародина и национальная традиция.]

Сцckenjan H., Sweeney J.S. (1985). *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250*. Graz-Wien-Kўln.

Гуцрffy Gy. (1948). *Krynйkбнк йs a magyar xstўrtйnet*. Вр. [Венгерские хроники и древняя венгерская история.]

Гуцрffy Gy. (1986). *Julianus barбt йs a Napkelet fўlfedezйse*. Вр. [Монах Юлиан и открытие Востока.]

Hajdў P., Domokos P. (1978). *Urбli nyelvrokonaink*. Вр. [Наши уральские родственные языки.]

Hakimzjanov F.S. (1986). *New Volga Bulgarien Inscriptions*: АОН 40. 173-177.

Halikov A.H. (1975). A кцйpsx Volga-vidйк йs a finn-ugor xstўrtйnet: *Vizimadarak* нйре.

Szerk. Gulya J. Вр. 163-191. [Некоторые вопросы этнической истории: Древняя история Среднего Поволжья. Москва, 1969, 370-390.]

Harmatta J. (1977). *Irбniak йs finnugorok, irбniak йs magyarok: Magyar Xstўrtйneti tanulмбnyok*. Szerk. Bartha A., Czeglйdy K., Ryna-Tas A. Вр., 167-132. [Иранцы и финно-угры, иранцы и венгры. Исследования по древней венгерской истории. Ред.Барта А., Цегледи К., Рона-Таш.]

Lбszly Gy. (1971). *Xstўrtйnetьnk legkorбbbi szakaszai. A finnugor xstўrtйnet rйgйszeti emlйkei a Szovjetfўldцн*. Вр. [Наиболее ранние периоды древней венгерской истории. Археологические памятники финно-угорской древней истории в С ветском Союзе.]

Lech K. (1968). Das mongolische Weltreich. Al-Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar. Wiesbaden.

Ligeti L. (1943). Elxszó: Az urbéli magyar xshaza: A magyarság xstörténete. Szerk. Ligeti L. Bp. [Предисловие: Уральская венгерская прародина. Древняя история венгров. Ред. Л. Лигети.]

Ligeti, Mon. Histoire secrete des Mongols. Ed. L. Ligeti. Monumente Linguae Mongolicae I. Bp., 1971.

Ligeti MNYTK II. Ligeti I. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami kényes kérdés van. Bp., 1979. Magyar nyelvű cikkeknek gyűjtőmunkája. [Тюркские связи венгерского языка и всё, что окружает их. Сб. статей на венгерском языке.]

Ligeti L. (1981). The Kaazarian Letter from Kiev and its Attestation in Runiform Script: Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 31. 5-18.

Ligeti L. (1986). A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás eltt és az Erdélykorban. Bp. [Тюркские связи венгерского языка до приобретения родины и в эпоху Арпадов.]

Mándoky Kongur I. (1976). Magyar eredetű törzsek a baskiroknál: Tiszatárs 30 (1976), 41-

44. [Племена венгерского происхождения у башкир.]

Mándoky Kongur I. (1986). Jenx és Yandy: Keletkutatás 1986 tavasz 70-74. [Jenx и Yandy.]

Marquart J. (1924). Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert: Ujb. 4., 261-334.

Martinez A.P. (1982). Gardizi's Two Chapters on the Turks: AEMAE 2, 109-217.

Mesterházy K. (1980). Nemzeti szervezet és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglalás magyarságánál. Bp. [Формирование родовой организации и классовых отношений у венгров, обретших родину.]

Minorsky V. (1937). Hudud al-Alam The Regions of the World A Persian Geography 373 A.H. -982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky. London.

Minorsky V. (1942). Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with an English translation and commentary by V. Minorsky. London.

Mühlmann W.E. (1985). Ethnogenie und Ethnogenese. Teoretisch-ethnologische und ideologiekritische Studien: Studien zur Ethnogenese. Bd. 1. Opladen.

Németh Gy (1930). A honfoglalás magyarság kialakulása. Bp. [Формирование венгров, обретших родину.]

Nймeth Gy. (1966). Magyar tцrzsnevek a baskiroknбl: Nyelvtudomбnyi Kцzlemйnyek 68, 35-50; [Вариант на немецк. яз.]: Nймeth J. Ungarische Stammennamen bei den Baskiren: Acty Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae 16 (1966), 1-21. [Венгерские название племен у башкир.]

Nймeth J. (1975). Tьrkische und ungarische Ethnonyme: UAJb. 47. 154-160.

Окладников А.П., Мартынов А.И. (1983). Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. Изд. «Искусство». М., 1972.

Pauler Gy. (1900). A magyar nemzet tцrtйnete Szent Istvбnig. Вр. История венгерской нации до Св.Иштвана.]

Рына-Тас А. (1978). A nyelvrokonsбg. Kalandozбsok a tцrtйneti nyelvudomбnyban. Вр.[Языковое родство. «Набеги» в историческом языкознании.]

Рына-Тас А. (1982). A kazбr нйрнйvгxl: Nyelvtudomбnyi Kцzlemйnyek 84. 349-380. [Об этнониме «хазар».]

Рына-Тас А. (1986). A magyar нйрнйv egy 1311-es volgai bolgбr sirfeliraton; Magyar Nyelv 82. 78-81. [Этноним «magyar» на одной волжской болгарской надгробной надписи 1911 г.]

Somogyi S. (1984). Tцrtйneti fцldrajzi bevezetx: Magyarorszбg tцrtйnete. I. кцt. Fxszerk.

Szйkely Gy. B. [Историко-географическое введение. История Венгрии, т.1. Гл.ред.-Секей Д.]

Szхke Во (1962). A honfoglalы йs kora Брбд-kori magyarсбg гйгйszeti емлйkei: Рйгйszeti Tanulмбnyok I. Археологические памятники венгров в период обретения родины и эпоху Арпадов. Археологические статьи.]

SzХМ. Bevezetйs s magyar xstцrtйnet kutatбsбnak forrбsaiba. Szerk. Hajdu P., Kristy Gy., Рына-Тас А. I-IV. Вр., 1976-1982. [Введение в источники по исследованию древневенгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]

Szьcs J. (1984). Nemzet йs tцrtйnelem Вр. Нация и история.]

Togan A.Z.V. (1939) Ibn Fadian.s. Reisebericht. Leipzig.

Vбсбry I. (1974). A jezsuita Cseles Мбрton йs a Julianusjelentйs (Magna Hungaria- йs a Jugria.kйrdйs tцrtйnetйhez): Kцзйrkori Kътfxink kritikus кйрдйsei. Вр., 261-275. [Езуит Мартон Челеш и отчет Юлиана. (К истории вопроса Magna Hungaria и Jugria); Критические вопросы венгерских средневековых источников.]

Vбсбry I. (1975). The Hungarians or Mo.ars and the Me.iers Mi.ers of the Middle Volga Region: АЕМАе 1. 237-275.

V6sbry I. (1977). A Volga-vidйki magyar turedйk a mongol kor utбn: Magyar xsturtйneti tanulmбnyok. Szerk. Bartha A., Czeglйgy K., Ryna-Tas A. Вр., 283-290. [Венгерские остатки в Поволжье после монгольской эпохи. Статьи по древней венгерской истории. Ред. Барта А., Цегледи К., Рона-Таш А.]

V6sbry I. (1982). The «Yugria» Problem: Chuvash Studies, Ed. A. Ryna-Tas. Вр., 247-257.

V6sbry I. (1985). A baskir.magyar кйрдйs nyelvi vetйletben. Nyelvtudomбnyй Kцzlrмйnyek

87. 369-388. [Башкиро-венгерский вопрос в языковой проекции.]

Wenskus R. (1961). Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frьhmittelalterlichen Gentes. Kцln-Wien.

Yakut al-Rurni, Mu.djam al.buldain. 1-5. Dar Sader. Beirut, 1979.

Zimonyi I. (1988). Ligeti Lajos magyar xsturtйneti koncepciyja: Szбzadok 122. 216-221. [Концепция древней венгерской истории Лайоша Лигети.]

Zimonyi I. (1990). The Origins of the Volga Bulghara. Studia Uralo-Altaica 32. Szeged.

Zsirai M. (1930). Jugria. Finnugor нйрнеvek I. A Magyar Nyelvtudomбnyй Tбrsasбg kiadvбnyai 174. Вр., 1985. [Финно-угорские этнонимы. Издания Венгерского Лингвистического Общества.]
